
ОГОНЁК
№ 18 АПРЕЛЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

W il I· MAGGIO

С ПРАЗДНИКОМ 1 МАЯ!

Владимир КОТОВ

Зеленые,
синие
мая зрачки
снова блестят отовсюду,
снова
взялась за свои рычаги,
за корни,
за ветки,
за ручейки
весна — неустанное чудо!
Работает властно она и поет,
вновь молода и красива,
и Первое мая — сердце ее,
самый прекрасный цветок ее,
ее неизбывная сила!
Время вьет
за витком виток,

время летит на ракете,
но Первомая
заветный цветок,
несут на груди
свой любимый цветок,
все люди труда на свете!

Как в годы былые,
так и сейчас,—
кто ж этого не понимает! —
на всех континентах
рабочий класс,
непобедимый
рабочий класс —
оплот и душа
Первомая!
Из Мая
в Октябрь
огневая стезя
недаром пройдена нами;
Октябрь наш
у Первомая взял,

навеки
в могучие руки взял
его боевое знамя!
Союз равных наций,
рожденный в бою,
спаянный дружбой навеки!

Сегодня поют
правду твою
новые
майские реки!
Пусть Первомай наш
гремит, как набат,
над всеми дорогами века!
Славят его
труд и борьба,
воля и мощь
Человека!
Пусть он озаряет
сердца борцов
во всех уголках планеты,
все лица людские
и мира лицо
светом
борьбы
и победы!

Рисунок итальянского художника Ренато ГУТТУЗО для «Огонька».

ПОСТУПЬ ПЯТИЛЕТКИ

Токтогульская ГЭС, сооружаемая в горах Киргизии. На Всесоюзной комсомольской стройке трудятся представители 43 национальностей.

Фото О. Пороховникова (ТАСС).

В центральных газетах опубликовано сообщение ЦСУ СССР «Об итогах выполнения Государственного плана промышленностью СССР в I квартале 1972 года». Работники промышленности, развернув социалистическое соревнование за достойную встречу 50-летия образования СССР и успешное выполнение плана второго года девятой пятилетки, перевыполнили план I квартала 1972 года по реализации промышленной продукции и производству большинства важнейших видов изделий.

По сравнению с I кварталом прошлого года объем промышленного производства увеличился на 7 процентов. Производительность труда в промышленности по сравнению с тем же периодом прошлого года возросла на 5,5 процента.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 18 (2339)

Основан 1 апреля 1923 года

29 АПРЕЛЯ 1972

102-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина — основателя нашей партии и Советского государства, гениального теоретика марксизма, вождя международного рабочего класса, учителя и друга трудящихся всего мира было посвящено торжественное заседание, состоявшееся в Москве 21 апреля. В Кремлевском Дворце съездов собрались представители партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций города, новаторы московской промышленности, труженики

ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ

ШАГИНЯН Мариэтта Сергеевна, писательница — за книги о В. И. Ленине: «Рождение сына» («Семья Ульяновых»), «Первая всероссийская», «Билет по истории», «Четыре урока у Ленина».

МЕЛЕЖ Иван Павлович, писатель — за романы «Люди на болоте» и «Дыхание грозы».

Фото А. ГОСТЕВА.

Подмосковья, деятели науки и культуры, воины Советской Армии и Флота. Присутствовали иностранные дипломаты, советские и зарубежные журналисты.

Участники торжественного заседания встретили горячими аплодисментами товарищей **Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, В. В. Гришина, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, Ю. В. Андропова, П. Н. Демичева, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.**

Торжественное заседание открыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского городского комитета партии **В. В. Гришин.**

С докладом «Ленинизм — великая созидательная сила коммунистического строительства» выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС **Ф. Д. Кулаков.**

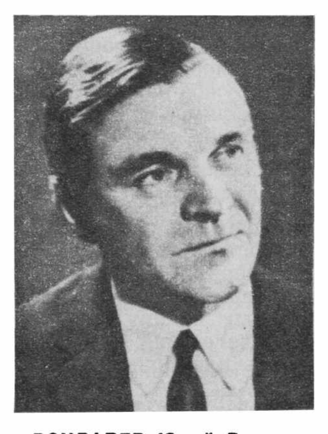
1972 ГОДА В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

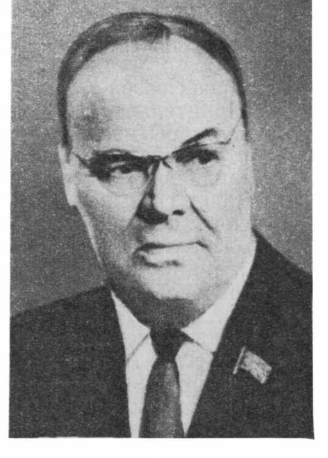
КАБАЛЕВСКИЙ Дмитрий Борисович, народный артист СССР, композитор — за оперу «Кола Брюньон» (новая редакция).

ОЗЕРОВ Юрий Николаевич, заслуженный деятель искусств РСФСР, режиссер и автор сценария — за фильмы из серии «Освобождение»: «Огненная дуга», «Прорыв», «Направление главного удара», «Битва за Берлин», «Последний штурм» (производства киностудии «Мосфильм»).

БОНДАРЕВ Юрий Васильевич, сценарист — за фильмы из серии «Освобождение»: «Огненная дуга», «Прорыв», «Направление главного удара», «Битва за Берлин», «Последний штурм» (производства киностудии «Мосфильм»).

ТОМСКИЙ Николай Васильевич, Герой Социалистического Труда, народный художник СССР — за памятник В. И. Ленину в Берлине.

БАРТО Агния Львовна, писательница — за книгу стихов «За цветами в зимний лес».

ВЗГЛЯД АНГЛИЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ

ПОБЕДИТ ДРУЖБА НАРОДОВ

Джеймс **ОЛДРИДЖ**

В нашей английской прессе почти ежедневно можно прочитать сообщения о деятельности какого-либо нового комитета или новой организации, созданных во имя сплочения народов Европы. Принятие Великобританией условий, необходимых для вступления в «Общий рынок», превратило эту деятельность среди некоторых людей в своеобразную церемонию благоговения. Те, кто стремится как можно быстрее проникнуть в Европу, каждую неделю летают в Брюссель или Париж, Рим или Бонн для того, чтобы установить контакты с определенными политическими, парламентскими кругами и представителями бизнеса. С какой страстью они затем разглагольствуют о новых горизонтах Европы, где огромные монополии организовываются для того, чтобы захватить все рынки, сырье, фабрики, банки, финансы — фактически все средства производства, которые лежат между Одрой и Атлантикой, между Северным Ледовитым океаном и Средиземным морем.

Поэтому вполне понятно наше скептическое отношение к этой вдруг разразившейся деятельности ради «дружбы» внутри границ Западной Европы, а точнее в сфере «Общего рынка». Например, и это нетрудно заметить, установление «дружбы» между крупными нефтяными компаниями, которые являются самыми горячими поклонниками «Общего рынка» и которые так тепло повествуют о тесных связях между государствами Западной Европы. Международные крупные нефтяные компании в своем большинстве это компании по распределению нефти, и их безмерное благосостояние основывается на способности контролировать все потребление нефти на мировых рынках. После США крупнейшим нефтяным рынком является Европа, и монополии делят его между собой с помощью картельных соглашений. Вот что недавно было ими осуществлено: они открыли в Северном море огромные запасы природного газа и нефти, поделили их между собой и сейчас распределяют эти богатства между различными государствами Западной Европы, выколачивая баснословные барыши. Это наглядный пример того, как выглядит европейская «дружба» в понимании монополий!

Подобный процесс, как это сейчас становится известным в Европе, происходит в металлургической, автомобильной, химической промышленности, транспортных системах и кораблестроении. Финансовые страницы наших газет полны сообщений о маневрах, которые происходят также и в этих отраслях по созданию огромных потоков продукции, которые должны ринуться из Англии и Европы в Африку и Индию, Латинскую Америку и кто знает еще куда. Таким образом, основой «дружбы» в Западной Европе является картельная система. И не удивительно, что столь повышенное воодушевление к такого рода «сотрудничеству» и «дружбе» исходит от директоров компаний, банкиров, политических деятелей тори и таинственных людей, которые установили свой контроль над гигантским океаном денег и сырья.

Истинным мерилом такого рода «дружбы» является реакция, которую она встречает со стороны британского профсоюзного движения. По мере того как в Англии создаются все более крупные и крупные монополии для европейских авантюр, наши профсоюзы объединяются во все более широкие организации с тем, чтобы противостоять их наступлению.

В самое ближайшее время создается крупное объединение на основе слияния профсоюзов электриков и рабочих машиностроительной промышленности. Это будет один из самых крупных профсоюзов Англии, насчитывающий два миллиона членов. Это только часть оборонительного плана против крупных европейских монополий. Куда более важным событием является создание профсоюзами металлургической промышленности международного секретариата в Европе, который должен противостоять грандиозному объединению автомобилестроителей и потребителей стали. В этом находит свое яркое выражение дружба народов, дружба их рабочих классов. Она сейчас становится крайне необходимой для рабочего класса, который должен организовать могучую оборонительную систему против объединения фабрикантов, банкиров и промышленных магнатов, столь громко поющих песню об «европейской дружбе».

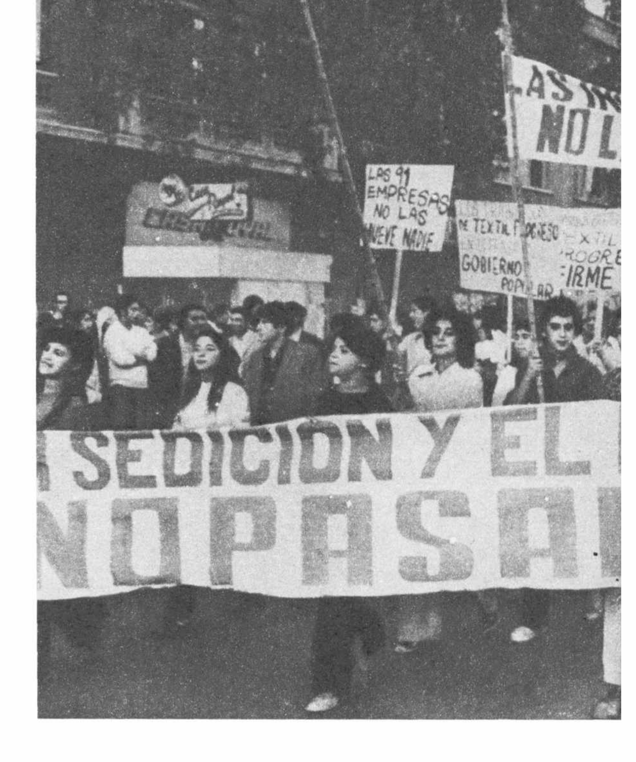
Не существует единой меры, по которой можно было бы судить об истинной дружбе, но одна любопытная деталь: все большим и большим становится число людей, посещающих социалистические страны, и в частности Советский Союз. В нашей прессе об этом публикуются весьма скупые сообщения. Но каждую неделю люди из одной или другой западной страны отправляются в Советский Союз, и их интересы весьма далеки от интересов денежных манипуляций бизнеса. В своем подавляющем большинстве в состав этих делегаций входят достойные мужчины и женщины, которым нечего предложить или принять, кроме дружбы.

Рабочие едут в СССР, потому что они любят советский народ. 50-летие существования Союза Советских Социалистических Республик уже само по себе кое о чем говорит. В настоящее время они едут в Советский Союз для того, чтобы подтвердить свою веру в жизнеутверждающие идеи социализма.

Дружба, рожденная на этой основе, вечна. Она переживет все монополии и картели, нефтяные компании и бизнесменов мира.

В выборе между дружбой народов и «дружбой», основанной на деньгах, всегда победит дружба народов.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

УВЕРЕН

Луис ЛАСО, член Национального руководящего совета Единого профсоюзного центра трудящихся Чили

В День международной солидарности трудящихся народы всего мира склоняются перед памятью тех, кто погиб в Чикаго в 1886 году, отдав свою жизнь за восьмичасовой рабочий день, улучшение условий труда. Они подводят итоги борьбы против социальной несправедливости и эксплуатации.

Рабочий класс Чили встречает праздник, будучи уверенным в том, что под руководством Единого профсоюзного центра выполнит задачи дальнейшего развития революционного процесса в стране, выдвинутые правительством Народного единства: увеличение объема выпуска продукции, чтобы обеспечить самые насущные потребности трудящихся, которые игнорировались прежними буржуазными правительствами; национализация природных ресурсов страны; национализация текстильной промышленности, частных банков и других экономических рычагов господства буржуазии.

Творческая энергия масс является мощным непреодолимым фактором развития чилийской революции, препятствием на пути происков ее врагов. Чилийцы строят новую жизнь. Поэтому процесс революционных преобразований заслуженно вызывает искренние симпатии и солидарность трудящихся и прогрессивных сил всего мира, которые в своих странах также борются за освобождение от гнета капитала. Народ Чили выступает за мир и дружбу между народами, клеймит позором политику агрессии и войны, проводимую американским империализмом во Вьетнаме. Чилийский пролетариат в этот знаменательный день выражает солидарность с героической борьбой вьетнамского народа.

Власть, которая перешла в Чили впервые в руки трудящихся и всего народа, не была манной небесной и досталась нелегко. Она была завоевана ценой огромных усилий и жертв на всем протяжении нашей истории.

Пролетариат стойко лицом к лицу вел борьбу с буржуазной тиранией, которая означала безжалостную эксплуатацию, ужасающую нищету, кровавые репрессии, уничтожение его руководителей. Но кровь рабочего класса была пролита не напрасно. Народ Чили вручил ответственность за судьбу своей страны в руки

«Мятеж и империализм не пройдут!» — под таким лозунгом состоялась недавно демонстрация в Сантьяго. Тысячи трудящихся прошли по улицам чилийской столицы, выразив поддержку правительству Народного единства во главе с Сальвадором Альенде и решительно отвергая попытки ультраправой реакции создать обстановку кризиса в стране.

Фото Пренса Латина.

НОСТЬ

блока Народного единства во главе с Сальвадором Альенде.

Народ у власти. Эта победа достигнута благодаря единству левых сил, бескомпромиссной борьбе против буржуазии и ее союзника — империализма, благодаря преодолению возникавших время от времени тенденций сектантства и изоляционизма в рабочем движении. Чилийский пролетариат в то же время опирался на солидарность международного рабочего движения, на его опыт, беря на вооружение все лучшее, таким образом совершенствуя свои методы классовой борьбы и обретая веру в свои силы.

Единый профсоюзный центр трудящихся — наследник революционных традиций рабочего класса Чили. Со времени основания в 1953 году он обретает силу, постоянно развивается профсоюзная демократия, организационная структура, единство и классовый боевой дух, крепнет его авторитет и влияние среди трудящихся, намечаются новые перспективы борьбы за выполнение стоящих задач.

Выступая на VI конгрессе Единого профцентра трудящихся, его председатель Луис Фигероа говорил, что VI конгресс выдвинул в качестве главных задач укрепление единства, развитие творческой активности рабочего класса для проведения в жизнь революционных преобразований и перемен, отвечающих требованиям чилийского народа.

Если в 1968 году лишь 42 профсоюзных объединения и организации были в рядах Единого профцентра Чили, то теперь эта цифра достигла 87. Причем это рост не только количественный, но и качественный, так как наш профцентр объединяет различные категории трудящихся промышленности, сельского хозяйства, торговли. Он стал одним из наиболее сильных профсоюзных объединений на континенте.

Героический рабочий класс Чили, отдавая без остатка все силы строительству новой жизни, в день Первомая выражает свою солидарность с героями социальных битв во всем мире.

Пренса Латина — специально для «Огонька»

БОЙЦЫ СРЕДИ БОЙЦОВ

Серафим СЕВЕРНЯК,
болгарский писатель, лауреат Димитровской премии

Летят стрелы дорог к горизонту. Стальные винты взбивают пену в изумрудных водах океанов, а в поднебесье с шумом проносятся реактивные птицы.

Какой бы была жизнь без этого непрестанного, неутомимого движения? Закройте глаза, вслушайтесь, и вот вы уноситесь на мощных, непреклонных крыльях времени... Почему же эти мысли наполняют меня в ясные, полные ритма и звуков вечера накануне Первомая?

Тихой радостью и глубоким волнением полон синий вечер последнего дня апреля. Утром створки заводских ворот властно распахнутся во всю ширь. В наступающем дне гудки прозвучат призывно, бодро, и через ворота, украшенные цветами, выйдут машиностроители Софии и Перника, текстильщики Пловдива и Сливена, строители Девни и Козлодуя, корабельные мастера Русе и Варны, шахтеры Димитровграда и Мадана. Созопльские рыбаки бросят якоря в морщинистые воды залива, и в просмоленных деревянных домах древнего города отзовется веселый звон корабельных цепей.

Вернутся домой хозяева Мизии, Фракии, Добруджи и принесут с собой запах клевера, свежего молока и цветов. Женщины трепещущими пальцами откроют маленькие алые коробочки, и в петлицах зазвенят золотые и серебряные солнца трудовых орденов. Каждый дом, где по утрам вставал труд, сейчас светел и праздничен. В детских ручонках — алые бумажные флажки. Шумят свежей зеленью поля — цвет мира и тишины...

Как умен, как многозначителен и трогателен этот праздник труда! Я вспоминаю людей, с которыми встречался за последние четверть века на дорогах и перекрестках моей Болгарии. С трепетом и благодарностью я вновь переживаю тот миг, когда впервые всем сердцем ощутил всемогущую силу первомайского единства.

...Это было в Русе, в городе на Дунае со стопятидесятитысячным населением. Поблескивала булыжная мостовая. Чистая и пустынная, она готовилась в любую минуту услышать твердую поступь рабочих шеренг. Над чудесной площадью, в центре которой возвышалась статуя Свободы, повисла напряженная тишина. Последние мгновения перед веселым взрывом праздника. О его приближении возвестила песня. Сначала я услышал старую, до боли знакомую мелодию. Потом на площади показались те, кто привел сюда эту незабываемую песню. Это был хор рабочих в несколько сот человек с передовых предприятий города. Ветер распахнул знамена, и люди, что несли их, пели: «Это есть наш последний и решительный бой...»

Нет песни величавее и чище. В ней мне слышится многое. Выступление Карла Либкнехта... Возглас Ленина «Есть такая партия!..»... И мечтательный голос Димитра Благоева...

В этой песне живет память о тех рабочих, что погибли майским утром 1886 года в Чикаго. О тех, с Путиловского и Обуховского заводов, кто в знак солидарности вышел на демонстрацию. И о тех, кто бастовал в Пернике.

В этой песне звучат голоса погибших в боях за свободу и тех, кто прокладывает путь к звездам.

Где-то позади осталось то время, когда на Первое мая в Болгарии выходили с нестройной песней несколько бородатых мечтателей, которые так жаждали услышать мелодии будущего. Они пели известную болгарскую революционную песню: «Поднимите гордо головы». И это означало: «Это есть наш последний и решительный бой».

Неужели так близки и так далеки годы, когда эти малочисленные митинги потрясали одноэтажную Болгарию, рассекая острой мыслью мрак и беспросветность?.. Еще живы некоторые из тех, кто шел по жизни рядом с Димитром Благоевым, слышал огненные призывы Георгия Димитрова. А в детских садах учатся петь и творить те, в которых будет жить бессмертие идеи и вечность народа, счастливые хозяева грядущего мира разума и красоты. В этом единстве поколений, в слиянии молодости с мудростью, в неразрывной связи отцов и детей сила наша и вера наша. Поэтому будущее не видение, а реальность. Поэтому в первомайское утро мы будем на площади Свободы в Софии и во Владивостоке, в Чиерне и в Катовице, в Плоешти и в Брно.

И это делает наш праздник богаче, и мы ярче переживаем то новое, что приносит каждый грядущий год.

Минувало 80 лет после создания Болгарской коммунистической партии, и почти 28 лет после нашей победы над буржуазией и капитализмом. За эти годы мы доказали на деле то, во что верил первый учитель Димитр Благоев: для социализма в Болгарии есть почва! Вооруженные новой и мудрой программой партии, мы вступаем в общество, которое с удовлетворением и радостью называем развитым социалистическим обществом, и мы не просто идем — мы вступаем в грядущее. Мы чувствуем себя бойцами среди бойцов, строителями среди строителей здесь, на этой земле. В будни и в праздники восьмимиллионный болгарский народ плечом к плечу идет с трудовым народом всего мира.

Радостен и прекрасен праздник Первомая, праздник труда. Часы отсчитывают минуты, приближая тот миг, когда в едином строю социализма мы выйдем на улицы городов и сел. Поднимите гордо головы, хозяева новой жизни! Мы встречаем праздник нашего труда, и поэтому шаг наш тверд и наши ряды бесконечны.

Летят стрелы дорог к горизонту. Мы все время в движении, мы идем вперед. Будущее принадлежит нам...

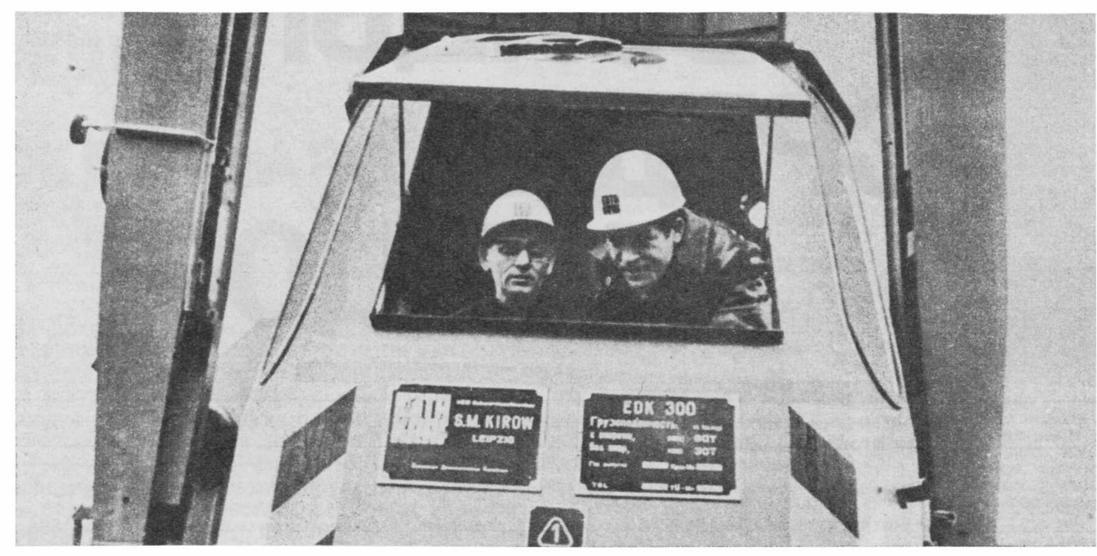
Агентство «София-пресс»

В ОБЪЕКТИВЕ — МИР СОЦИАЛИЗМА

ВДОХНОВЛЯЮЩАЯ СИЛА

Неудержим мощный поток жизни. Перед его напором рушатся бастионы старого мира, меняется облик земли. Рожденный Октябрем мир социализма объединяет уже треть населения планеты. И хотя в масштабах истории социализм еще молод, свершения его велики и неоценимы.

Сегодня содружество стран социализма, основанное на пролетарском интернационализме, являет собою прообраз будущего всего человеческого общества.

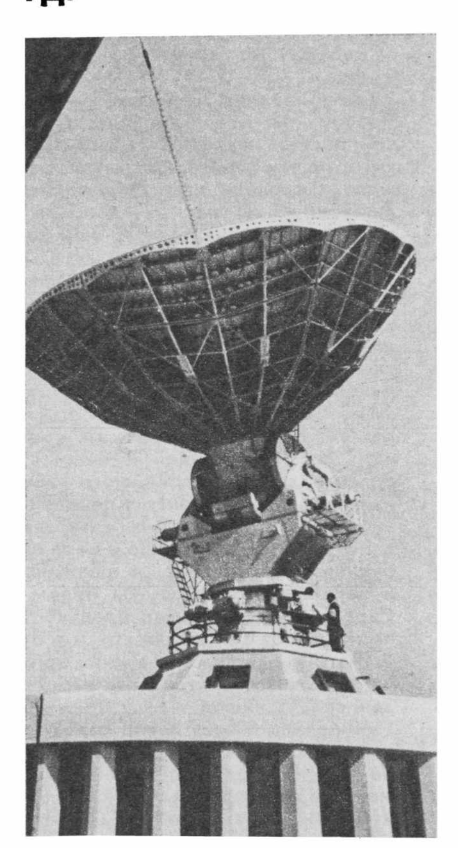

ГДР

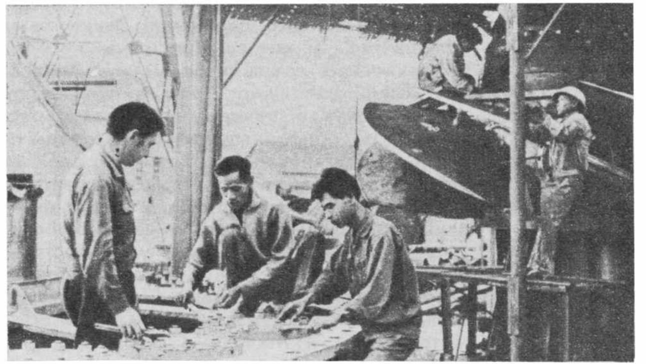
СОВЕТСКИЙ ИНЖЕНЕР ВЛАДИМИР МЕДВЕДЕВ (справа) и мастер Хельмут Гайзлер, которых вы видите в кабине железнодорожного крана «ЕДК-300», понимают друг друга без переводчика. Лейпцигское предприятие тяжелого машиностроения имени С. М. Кирова уже многие годы поставляет в Советский Союз надежные в эксплуатации подъемные механизмы.

ГДР имеет мощную локомотиво- и вагоностроительную промышленность, которая выполняет заказы социалистических стран. Сегодня на железнодорожных магистралях нашей страны курсируют более 40 тысяч единиц рельсового подвижного состава, построенных в ГДР.

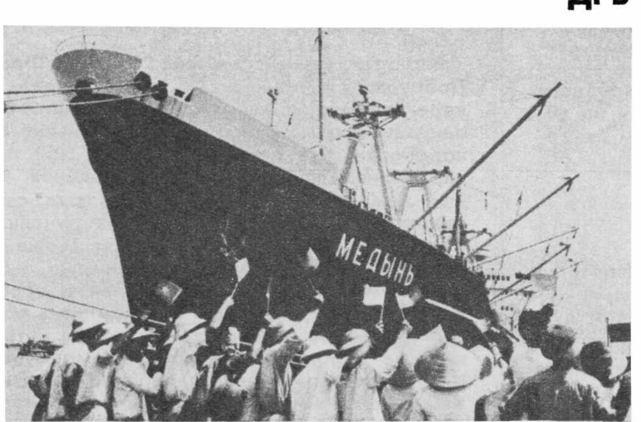
Фото АДН—ТАСС.

МНР

ДРВ

В ИСТОРИЮ СОВРЕМЕННОСТИ одну из самых героических страниц вписал вьетнамский народ. На нашей планете сложился и действует могучий, невиданный по своим масштабам всемирный фронт солидарности с героическим Вьетнамом. Помощь братских стран и движение солидарности сыграли большую роль в том, что американская агрессия терпит провал.

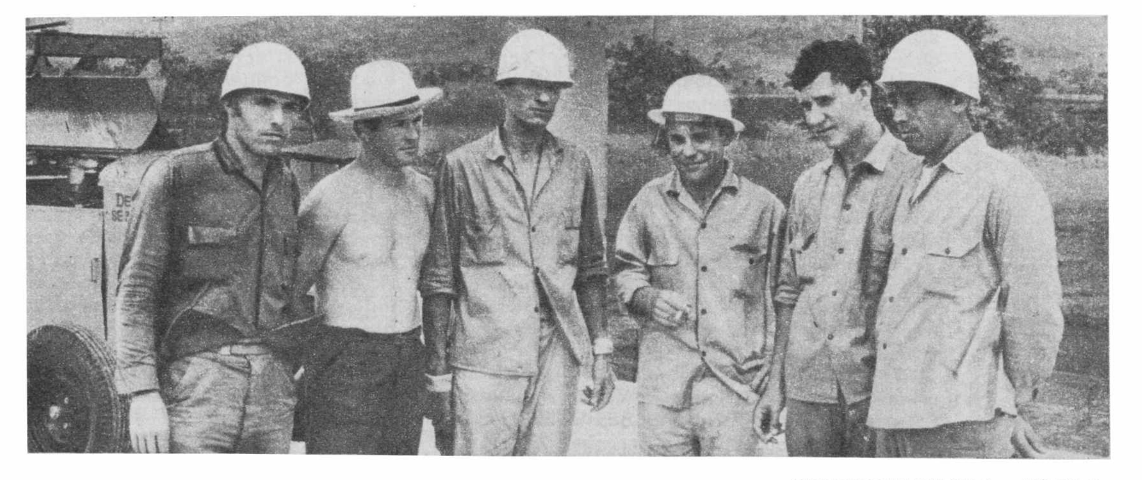
Солидарность с Вьетнамом для СССР, советских людей — это кровное дело, классовый, интернациональный долг. Поддержка нашей страны сыграла важную роль в создании экономического потенциала ДРВ. Около четырех тысяч советских специалистов, работавших с 1955 года в Северном Вьетнаме, отдали свой труд и знания молодой республике. Ракеты и зенитные орудия, истребители и другая военная техника, поставленная СССР, стала в руках вьетнамцев надежным заслоном от агрессоров.

Эти два кадра сделаны специальным корреспондентом «Огонька» Д. Ухтомским.

Советские специалисты вместе с вьетнамскими рабочими ведут монтаж электростанции в Тхакба.

Встреча в хайфонском порту советского судна с грузами для сражающегося Вьетнама.

В ЯНВАРЕ ЭТОГО ГОДА МОНГОЛИЯ и Советский Союз отметили 26-ю годовщину подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Станция «Орбита», построенная советскими инженерами и рабочими в Улан-Баторе, еще одно конкретное претворение в жизнь строк этого договора.

РЕСПУБЛИКА КУБА

В СОРОКА КИЛОМЕТРАХ ОТ ГАВАНЫ 15 советских юношей из интернациональной бригады «Хулио Антонио Мелья» участвуют в строительстве новой школы. Ее торопятся закончить к дню национального праздника кубинского народа — 26 июля.

Фотокорреспондент агентства «Пренса Латина» сделал снимок во время перерыва. Советские монтажники со своими кубинскими друзьями.

БУРЕВЕСТНИК ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Объявления в первом номере «Правды».

ПРАВДА
ЕЖЕДНЕВНАЯ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА.
Годъ и
№ 1 Воскресенье, 22 апрѣля 1912

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ
„ПРАВДА“.

Продолжается подписка на газету
„ЗВѢЗДА“

Отъ редакціи.

Ленинградское отделение издательства «Правда». С фотонегатива газетной полосы «Правды», переданной из Москвы по телеграфу, делается клише для матрицы.

Фото Н. Ананьева.

Самой популярной в стране газете «Правда» — 60 лет. Это — знаменательное событие в жизни Коммунистической партии и советского народа, праздник советской печати, всех трудящихся нашей страны. Ленинская «Правда» явилась буревестником Великого Октября, пропагандистом, агитатором и организатором строительства социализма и коммунизма, она сыграла выдающуюся роль в сплочении народных масс вокруг Коммунистической партии, в их идейной закалке и политическом воспитании, в развитии подлинно народной печати, выражающей коренные интересы трудящихся.

Страницы «Правды» — это славная летопись революционной борьбы и социалистических преобразований, бессмертного подвига советского народа в Великой Отечественной войне и развернутого строительства коммунизма. Ветеран советской печати, «Правда» была и есть трибуна партии, проводник идей научного коммунизма, активный борец за мир и дружбу между народами, за пролетарский интернационализм.

Собственный корреспондент «Огонька» Константин ЧЕРЕВКОВ ведет репортаж из типографии, где набирался первый номер «Правды».

...Старинное здание на Ивановской, ныне Социалистической, улице Ленинграда. Здесь, в петербургской типографии товарищества «Художественной печати», 22 апреля 1912 года был набран первый номер «Правды». Конечно, сейчас в цехах все по-другому: дневной свет, хорошая вентиляция, новейшее оборудование. Миллионы книг сходят тут с конвейера. Мы знакомимся с одним из ветеранов типографии, Михаилом Вульфовичем Левиным. Шестьдесят лет назад он работал наборщиком. Он смотрит на фотокопию первой полосы первого номера «Правды» и говорит:

— Вот это объявление об условиях подписки на "Правду" было набрано мной. Я тогда работал на мелочах — так у нас называли работы, связанные с объявлениями и маленькими заметками. Мне было поручено набрать еще и объявление о газете "Звезда" и заметку о взрыве на шахте «Итальянка».

До ухода на службу в армию — это в сентябре 1913 года — мне довелось участвовать в наборе 184 номеров «Правды». А потом, во время войны, за распространение агитационных листовок я был приговорен к смертной казни. Спасло тяжелое ранение. Казнь заменили каторгой, откуда вызволила Февральская революция.

Видите, в объявлении называются имена постоянных сотрудников новой газеты: М. Горький, В. Ильин, Д. Бедный, Р. Люксембург, М. Ольминский, Н. Полетаев. Издатель — депутат Государственной думы Н. Г. Полетаев, а редактор — М. Е. Егоров. Егоров — это наш наборщик. Он согласился подписываться редактором, чтобы в случае ареста газеты сесть в тюрьму и таким образом спасти настоящего редактора. Таких, как Егоров, тогда называли «редактором для отсидки», или «зитцредактором».

Вот что рассказывал об этом сам М. Е. Егоров — бережно хранится застенографированное его воспоминание:

«Когда метранпаж В. А. Приходько предложил мне стать зитцредактором, я с радостью согласился. Был я молод, неженат. Если посадят, волноваться за меня некому. В то время я уже поближе узнал большевиков и отлично понимал, за что идет борьба... Хотелось хоть чем-нибудь помочь, хотелось участвовать в борьбе большевиков. Выпуск первого номера прошел гладко, потом штрафы посыпались как из рога изобилия: платили за меня до тех пор, пока у редакции хватало денег. Но вот все деньги были уже израсходованы, и, когда газету оштрафовали, надо было идти в тюрьму садиться. Пошел. Посадили в одну камеру вместе с мазуриками. Отсидел я около года...

В числе постоянных наших авторов имя Владимира Ильича Ленина, подлинного организатора и руководителя «Правды», не называлось. Это в целях конспирации, чтобы не афишировать связь газеты с партией. Но Ленин был самым активным автором «Правды»: более 280 статей и заметок за время с 1912 по 1914 год».

Ветераны типографии часто рассказывают молодежи о том, как набиралась, печаталась «Правда», как рождался первый номер газеты.

...В тот весенний день намечалось выпустить не одну, а две большевистские газеты — «Звезду» и первый номер «Правды». Но возникли непредвиденные осложнения. Отведенная для «Правды» ротация захандрила, рвалась бумага. «Звезда» же сходила с машины плавно, без задержки. Когда наконец наладились дела и с печатанием «Правды», в цех нагрянули городовые и стали хватать отпечатанные полосы. Полиция закрыла «Звезду». А «Правда» вышла.

В ожидании своей рабочей газеты, созданной на пожертвования и сбережения трудящихся, у подъезда типографии собралось много представителей фабрик и заводов: каждому хотелось поскорей получить пахнущую свежей краской свою «Правду» и доставить ее пролетарским заставам.

Чтобы газета регулярно выходила и попадала в руки рабочих, издателям приходилось идти на всякие ухищрения. Так, в цензурный комитет оттиск «Правды» носил семидесятилетний сторож типографии дед Матвей. Путь не длинный — в полкилометра, а шел он добрых полтора часа. И в этом был свой расчет: за это время в типографии успевали напечатать несколько тысяч экземпляров газеты.

В цензуре старик внимательно наблюдал за тем, как цензор читал «Правду». Если он после читки тянулся к телефону, чтобы позвонить в полицейский участок, Матвей брал извозчика и мчался скорей в типографию. У подъезда стоял дозорный. Увидев старика на извозчике, он мигом бежал в цех и поднимал тревогу: «Правду» быстро прятали, а затем отправляли на заводы.

Станок, на котором делали корректурные оттиски «Правды», а также реал с наборной кассой, старые рабочие типографии сохранили и передали в Музей Великой Октябрьской социалистической революции.

Ленинградцам памятны и имена рабочих корреспондентов «Правды» тех давних лет. Одним из них был Иван Авксентьевич Воинов. Он писал статьи, короткие заметки, стихи — писал о горькой участи рабочих, смело выступал против заводчиков.

В июле семнадцатого года по приказу Временного правительства юнкера разгромили редакцию газеты «Правда». Но на следующий же день большевики выпустили «Листок правды», в котором были опубликованы статьи В. И. Ленина и обращение ЦК партии, Петроградского комитета и военной организации РСДРП(б), разъяснявшие значение июльских событий.

Иван Воинов участвовал в выпуске и распространении «Листка правды». 6 июля 1917 года он шел по Шпалерной улице с кипой газет. Юнкера схватили его, повалили на мостовую и начали топтать ногами. Унтер-офицер в бешеной злобе саблей рассек голову Ивана Авксентьевича. Шпалерная улица, где с «Листками правды» в руках погиб рабочий корреспондент и распространитель «Правды» И. А. Воинов, названа его именем.

У «Правды» было много таких преданных друзей, как Воинов, бесстрашных борцов за рабочее дело, за счастье человечества.

В семье единой

Таир САЛАХОВ,
народный художник Азербайджана

Алые стяги и знамена, полотнища транспарантов, лозунгов, призывов... Это плещется могучим, шумным морем Первомай. Особенно ярок он у стен Кремля — на площадях, носящих имя Революции и 50-летия Октября.

Каждый камень дышит историей: Музей Владимира Ильича Ленина, Кремль, Московский университет, Вечный огонь над могилой Неизвестного солдата... И рядом — Центральный выставочный зал страны. В нынешнем, особенном в нашей истории году — году 50-й годовщины образования Союза ССР здесь одна за другой открываются выставки. Недавно Манеж был украшен государственными флагами Белорусской и Молдавской Советских Социалистических Республик, над флагами надпись — «Пятидесятилетию образования СССР посвящается». Эта эмблема возвестила об открытии третьей по счету экспозиции из числа подготовленных советским искусством к великому юбилею. Перед тем здесь прошли выставка работ художников трех республик Закавказья, выставка произведений художников Урала, Сибири и Дальнего Востока; сегодня в Манеж вошло изобразительное искусство Украины.

Поднятые и объединенные пролетариатом России, его партией, народы громадной страны, свершив небывалую в истории революцию, вышли на дорогу свободы. Пятидесятилетие образования СССР — славная веха на этом пути. И о том, с какими великими достижениями, завоеваниями пришли народы Советского Союза к этой дате, выразительно и ярко повествуют предъюбилейные выставки.

Белоруссия. Последние годы мы наблюдаем большой подъем в изобразительном искусстве этой республики, потому что теснее стала связь художников с жизнью родного народа, его историей и современностью. Каждый нашел краски и образы, чтобы сказать свое выразительное слово о народе и времени.

В заглавном зале привлекал внимание яркостью, мажорностью красок большой холст М. Данцига «Мой город древний, молодой». Увиденный с высоты птичьего полета, раскинулся перед нами Минск, столица республики, город-герой, волей советских людей поднявшийся из пепла.

— Это они возродили наш город, — словно бы говорило нам монументальное полотно заслуженного деятеля искусств БССР М. Савицкого «Рабочие». Сдвинутые тяжелые балки железобетонных конструкций, на фоне которых плечом к плечу стоят рабочие, создают почти осязаемое ощущение гигантского созидания, которому отдан каждый час жизни героев художника.

Замечательные дела земляков заставляют белорусских художников пристально всматриваться в их лица, характеры, поэтому на выставке мы видели целую галерею выразительных, вдумчивых портретов людей Советской Белоруссии. Кажется, что звучание поэтических строк Якуба Коласа подсказало минчанину В. Стельмашонку композиционный строй, просветленность колорита в портрете народного поэта Белоруссии. Совсем иные краски, иную композицию — взволнованную, тревожную — нашел мастер, чтобы групповой портрет первых народных комиссаров БССР Д. Ф. Жилуновича, А. Ф. Мясникова, В. Г. Кнорина, И. А. Адамовича, А. Г. Червякова оказался пронизанным суровой атмосферой начала Советской власти в республике. Этому далекому времени была посвящена не одна картина. И как кульминация темы становления исторических завоеваний Октября возник образ Ленина, ленинская тема: «1-й съезд РСДРП», «Париж. Улица Мари Роз», триптих «Апассионата»...

Широко, напевно предстал на предъюбилейной выставке пейзаж Белоруссии в произведениях народного художника БССР В. Цвирко, заслуженных деятелей искусств БССР К. Космачева и В. Громыко, в картинах-пейзажах Г. Ващенко, В. Сумарева.

Живописцы запечатлели разливы непокорных белорусских рек и зеркальную гладь светлооких озер, золото хлебов и голубовато-зеленые ковры льна, поросшие чахлыми березками болотистые низины, какие любил писать уроженец Белоруссии В. К. Бялыницкий-Бируля, густолиственные леса... Вековые стволы до сих пор то там, то тут хранят следы осколочных ран, автоматных очередей. Память недавней войны. Удивительно ли, что тема «Великая Отечественная война» немолчно звучит в изобразительном искусстве Белоруссии, республики-героини. И здесь часто оказываются необходимыми метафора, аллегория, ассоциация. Художники, обращаясь к этой теме, не стремились к правде одного факта, но подчиняли образно-пластический строй картины тому, чтобы конкретный сюжет вызывал у зрителей цепь ассоциаций, и картина складывалась в повествование о героях войны: В. Громыко «1941-й. Над Припятью», «Женщинам Великой Отечественной посвящается».

Одно произведение как бы продолжалось в другом. И белорусский раздел выставки воспринимался как единое художественное произведение, гармоничное и строгое.

Творчество художников Молдавии — такое же единое, многоплановое и самобытное. Живописные полотна и графические листы составили летопись истории республики, ее трудовых будней, славных побед, повествуя о пути, пройденном за годы Советской власти некогда отсталой окраиной. Снова и снова было повторено в названиях произведений слово «земля»: «Баллада о земле» — И. Виеру, «Декрет о земле» — Е. Бонтя. И не от этой ли великой любви и благодарности молдавского народа родной земле такое большое место занял в творчестве его художников пейзаж, отмеченный чувством нового, горящий сочными жаркими красками, глубоко народный по характеру. Молдавские живописцы воспевают советскую новь, и мы видим промышленную, современную, развивающуюся Молдавию: «Индустриальный пейзаж» И. Ленчика, «Новый микрорайон» В. Третьянченко...

«Этапы большого пути»... Художник А. Новиков увидел их в образе вглядывающихся в даль светлых всадников на белых конях, осененных алым знаменем. «Первые дни Советской власти» — на холсте кисти М. Греку. Все село высыпало на майдан. Люди толпятся вокруг ораторов. Некоторые покуда лишь робко наблюдают за происходящим, но большинство — а это трудовая беднота — охвачено надеждами на избавление от вековечной кабалы и нужды. Путь народа от старого к новому запечатлен в другом произведении М. Греку — поэтическом триптихе «История одной жизни».

Каждая картина не просто повторение натуры или констатация факта, а мудрое, вдумчивое, взволнованное образное их осмысление.

Как и их товарищи в Белоруссии, художники Молдавии живут интересами, чаяниями, заботами и успехами своего народа. Все это мы видим в их искусстве, главная особенность которого, отличающая его от искусства других республик, состоит, пожалуй, в особенно тесной связи с традициями красочного национального народного искусства. Освоенный и самобытно преломленный в творчестве живописцев многовековой художественный опыт народа помогает им правдиво, полно, выразительно показывать сегодняшнюю жизнь родного края в синтетических образах, емко вбирающих правду современности. Такова картина В. Обуха «Юность» с ее приподнято-романтическим строем, где в руках юных как бы оказывается золотой солнечный диск.

Так же, как и в белорусском, богато была представлена в молдавском разделе выставки портретная галерея современников — портреты Г. Саинчука, В. Зазерской, О. Орловой, лауреата премии ЦК ЛКСМ Молдавии имени Б. Главана... Интерес к современнику, его внутреннему миру, мыслям и чаяниям сегодня характерен для советского искусства в целом. Такое единство — закон развития нашего многонационального искусства. Искусство каждой из республик решает на своем материале, опираясь на свои художественные традиции, задачи, общие для всего большого искусства Родины. Где бы ни был художник, рассказывая в творчестве своем, чем живет его республика, он говорит о жизни страны — Союза Советских Социалистических Республик. Разные художники, разные творческие коллективы — это словно разные дороги, ведущие к нашей единой, большой и почетной цели: создание летописи жизни Страны Советов.

Ленинская тема широко вошла в творчество членов союза художников Молдавии еще в дни подготовки к 50-летнему юбилею Октября. И с тех пор она непрерывно углубляется, ширится. «В. И. Ленин и Н. К. Крупская» — художница В. Руссу-Чобану создала просветленные, по-человечески близкие каждому образы вождя и его верного друга и соратницы. Художник Н. Бахчеван по-своему раскрыл в полотне «У Ленина» тему «Народ и Ленин», ставшую традиционной в многонациональном советском изобразительном искусстве благодаря творческим усилиям русских советских художников.

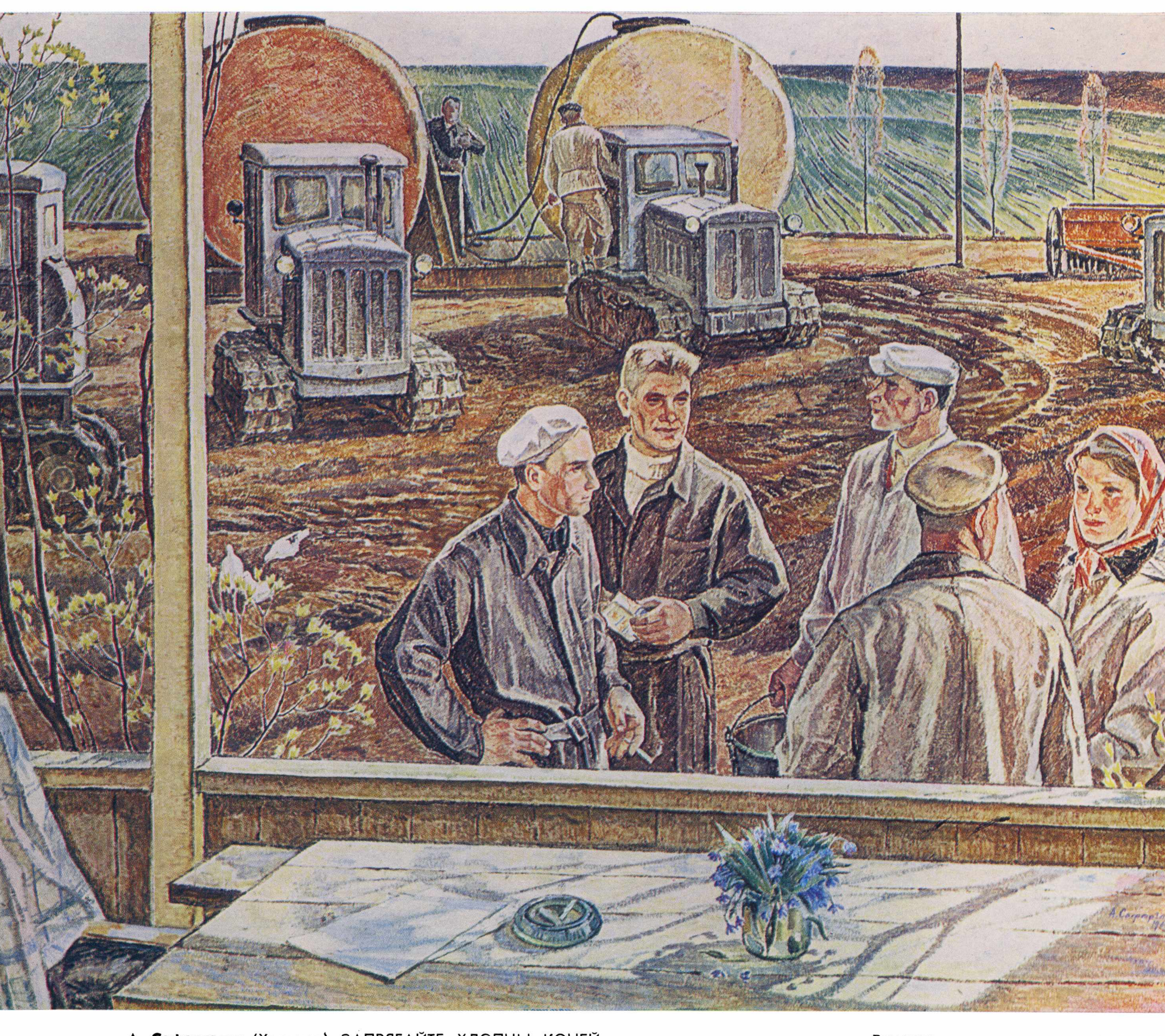
Сегодня в этих посвященных Ильичу произведениях, показанных в молдавском разделе выставки в год 50-летия Союза ССР, образ великого вождя стал живым символом всего лучшего, светлого, сильного, что дала Молдавии Советская власть, что обрела республика, влившись в единую, несокрушимую братскую семью — Союз Советских Социалистических Республик.

И знаменательно, что художественные выставки юбилейного года нашего великого многонационального государства — СССР прибавили красочности, торжественности, праздничности даже яркому, ликующему Первомаю!

А. Мыльников (Ленинград). ПРОБУЖДЕНИЕ.

Государственный Русский музей.

А. Сафаргалин (Харьков). ЗАПРЯГАЙТЕ, ХЛОПЦЫ, КОНЕЙ...

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

ВАШИ ЗАБОТЫ ОБ УЛЫБКАХ

Рисунки В. ЧЕРНИКОВА.

Улыбки у нас не планируются на душу населения. Не планируются они и в валовом исчислении. У нас не проводятся месячники улыбок и не создаются фонды улыбок. И тем не менее мы стараемся, чтобы улыбок было больше. И в этом прекрасная сторона нашей жизни.

Корреспонденты «Огонька» берут интервью у людей разных профессий, задав им один вопрос: КАКОВЫ ВАШИ ЗАБОТЫ ОБ УЛЫБКАХ, ЧТОБЫ ИХ БЫЛО БОЛЬШЕ И ОСОБЕННО В МАЕ — ЭТО ВСЕ ЖЕ ВЕНЕЦ ВЕСНЫ?..

ТРИДЦАТАЯ ВЕСНА

Мы разговариваем с Сергеем Амбаковичем Меладзе: я — из корреспондентского пункта, он — из своего кабинета директора горного парка «Мтацминда». Между нами расстояние в несколько сотен метров по вертикали. Я — где-то внизу, недалеко от Куры; он — на высоте около семисот метров над уровнем моря.

Спрашиваю:

— Как там у вас наверху с весной?

Отвечает:

— Верите ли, в тенистых местах еще снег лежит...

В самом деле, запаздывает тбилисская весна. Все не может опомниться от необычайно суровой, снежной зимы. Но директор парка полон оптимизма:

— Все равно придет. Копаем вовсю. Высаживаем в парке тысячу штук эльдарских сосен-десятилеток, уже начинающих зеленеть.

— Разве есть в этом нужда?

— Всегда. У нас уже пятьсот тысяч вечнозеленых деревьев. А когда я открывал этот парк, в июне 1938 года, на все сто с лишним гектаров было одно ореховое дерево. Оно стоит теперь на детской площадке, и мы бережем его как зеницу ока. Все-таки история.

Да, Сергей Амбакович Меладзе открывал парк «Мтацминда» 26-летним молодым человеком. Если не считать четырехлетнего перерыва, когда он ушел на фронт и с оружием в руках защищал нашу Родину, то это его тридцатая весна на горе. Будет в ней что-нибудь новое?

— Новый аттракцион «Ромашка» из Ейска, который нам помогла выбрать московская выставка прошлого года. Второй новый аттракцион — крутящееся серсо — создали сами мастера нашего парка. Наконец, этим летом дважды будет устроен большой праздник — театрализованное представление, посвященное 50-летию образования СССР. Кстати, мы считаем, что наш новый горный парк доставляет радость не только тбилисцам: ежегодно полтора миллиона туристов — москвичей, ленинградцев, киевлян, гостей из Таллина и Ташкента — поднимаются к нам, чтобы подышать прохладой, полюбоваться на город сверху. Четыре дороги ведут к нам: пешая тропа, автомобильное шоссе, старая горно-канатная дорога (фуникулер) и воздушная подвесная канатка. Думаю, что в юбилейном году они будут работать с особой нагрузкой. Ну, а насчет улыбок?.. Мне кажется, что я уже ответил на этот ваш вопрос.

И. МЕСХИ,
собкор «Огонька»

Тбилиси.

С КОРАБЛЯ НА СВАДЬБУ

— Согласитесь, что термин «Акты гражданского состояния» особых чувств не вызывает. Но я расскажу вам одну историю, которая не без нашей помощи закончилась самыми счастливыми улыбками,— говорила нам Людмила Александровна Косова, директор Новосибирского Дворца бракосочетаний.— Начало этой истории покрыто тайной, знать которую положено лишь двоим в целом свете. Он, Фадей Юстик, был летчиком, летал на большом самолете из своего Минска в Новосибирск. Она, Татьяна Гринюк, работала продавщицей в большом ювелирном магазине. Много ли было у них шансов встретиться, если он изредка прилетал в Новосибирск лишь на один-два дня? Не знаю. Но, так или иначе, в один прекрасный день они пришли к нам, и был назначен день свадьбы и время регистрации — три часа. Но уже в два невеста, ее подруги, родители были на месте. Мимо невесты проходили радостные пары, блестел паркет, осыпались лепестки цветов, играла торжественная музыка. Но что все это для нее, если рядом не было его? А время уж близилось к трем. Мы позвонили в аэропорт и узнали: над Свердловском пурга, рейс задерживается. Видимо, судьба сразу решила испытать на прочность их молодую любовь... Кошки скребли у нас на душе, когда уезжала машина с заплаканной Таней. Да, невесте пришлось нелегко. Ну, а нам каково? Каждый час мы связывались с аэропортом и договорились не уходить из Дворца хоть всю ночь, пока не увидим на лице Тани улыбку. Наконец пришло сообщение: самолет вылетает. Узнала об этом и Таня. Сотни километров еще разделяли молодых, когда аэропорт установил связь с самолетом. Наверное, все небо знало об их любви. Ровно в полночь наш Дворец светился всеми своими парадными огнями (на другой день звонили, спрашивали: что, Дворец работает круглосуточно?), играла торжественная музыка, цветы устилали ковровые дорожки, по которым шли Он и Она. С ним пришел весь экипаж самолета. Прямо с корабля на свадьбу. И такое счастье светилось в глазах молодых! Потом, как водится, подняли праздничный тост, и я сказала: «Милости просим, дорогие друзья, отпраздновать у нас вашу серебряную свадьбу, а потом и золотую...» Все зашумели, захлопали в ладоши, закричали «горько!». Но им было совсем не горько. Это видели все. А на следующий день молодые вдвоем улетели в Минск...

Как видите, улыбки — наша прямая забота. Хотя, конечно, термин «Акты гражданского состояния» особых чувств не вызывает.

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»

Новосибирск.

ЦВЕТЫ АПШЕРОНА

Словно добрый волшебник, природа щедро расстелила на берегу Каспия гигантский ковер, сотканный из пестрой гаммы цветов. Живой радугой переливаются в лучах солнца плантации Шувеляновского цветоводческого совхоза.

— Ну, скажите,— восторженно говорит директор совхоза А. Салимов,— какой праздник у нас обходится без цветов? Это все равно, что свадьба без музыки, а застолье без вина. Но это, так сказать, лирическая проза, а теперь статистика. Жилая площадь наших цветов — 34 гектара. В юбилейном году мы дали слово вырастить пять миллионов роз, гвоздик, тюльпанов, гладиолусов, сирени, фиалок, нарциссов... Всем букетам букет!

А теперь география улыбок и дружбы. Совхоз получает черенки, рассаду из Москвы, Нальчика, Сочи и ежедневно отправляет цветы в Москву, Ленинград, Киев, Новосибирск, Ульяновск, крупнейшие города Азербайджана.

Сейчас у нас жаркие дни — в буквальном и переносном смысле этих слов. Звонки, телеграммы... Просят цветы, и как можно больше. К майским дням наш цветочный конвейер отправил своим постоянным клиентам 100 тысяч левкоев, сирени, роз, гвоздик, тюльпанов. Не успевали грузить машины, самолеты: подарок скоропортящийся.

Говорят, что цветы — прелюдия праздника, добрые спутники весны. Словно ласточки, летят они сегодня из моего родного Баку в разные города страны. Летят, чтобы подарить улыбки москвичам и ленинградцам, киевлянам и новосибирцам. Сегодня они нужны всем. Ведь весна без цветов — не весна.

Георгий ПОГОСОВ

Баку.

Каждое заседание исполкома сельского Совета — новая страница в истории туркменского села Гями.

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

ГЯМИ: ВОДА

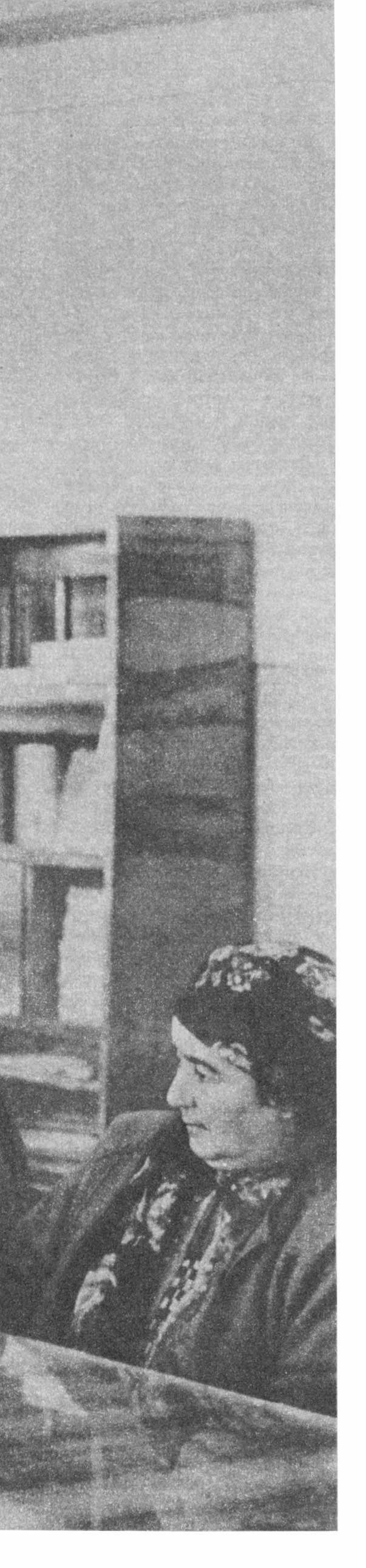
КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

1936 год... Еще одна страница биографии нашей Родины. Тридцать шесть лет назад многочисленные народы Союза Советских Социалистических Республик обсуждали проект новой Конституции — Основного закона жизни Страны Советов. Тысячи уст повторяли: право на труд, право на отдых, право на образование... Семья народов наших стояла у порога новых разительных социально-политических и культурных перемен. Сбывались вековые чаяния миллионов русских, туркмен, эвенков, мордвы, армян...

Сегодня «Огонек» рассказывает о жизни одного лишь колхозного села Туркменской ССР, о работе сельсовета Гями.

Маленькие и большие любят депутата сельсовета врача Дурли Танрыбердиеву.

И ЛЮДИ

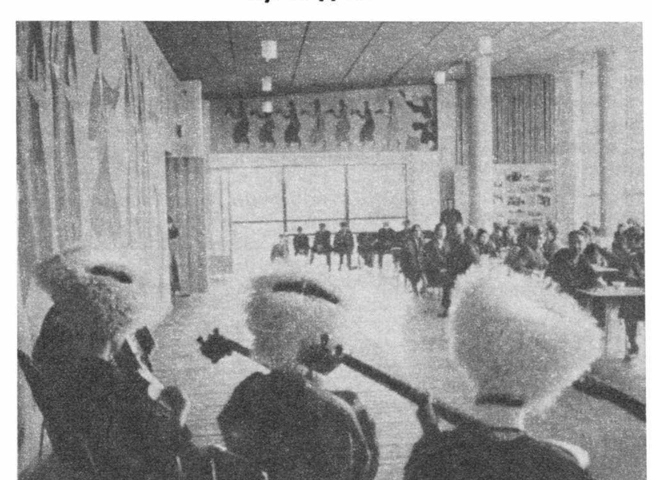
Николай БЫКОВ

Фото Дм. УХТОМСКОГО.

Колхозный поселок Гями в нескольких минутах езды от Ашхабада, первые же поля — его. Здесь и сельсовет и центральная усадьба ордена Ленина колхоза «Совет Туркменистаны». Отличная (на вырост!) планировка, асфальт даже в дальних улочках, просторные дома с иголочки (их почему-то называют коттеджами). Ни дувалов тебе, ни осевших под

В Гями это не единственный магазин, но, пожалуй, лучший.

Молодежный «Огонек» в колхозном Дворце культуры.

Приехали друзья с Украины...

толщей крыш глинобитных мазанок. И, конечно, сады, виноградники, аллеи...

Все тут новое. И планировка. И приметы быта. Сохранилось только старое название: Гями. Говорят, однозначного перевода у этого слова нет, но председатель совета старейшин Хыдыр Орусов перевел «гями» как «лодка». И другие старики с ним, в общем-то, согласились. Но почему именно «лодка», он и сам толком не знает. Может быть, рядом была когда-нибудь вода, колодец на караванном пути? Или «лодка» — это подсознательный образ, мольба о воде? Но теперь-то, теперь, когда есть Каракумский канал, а за каналом такой поселок, теперь, конечно, старое название обрело романтический смысл. Шумят над Гями зеленые паруса садов, бежит по бетонным руслам говорливая вода, с которой связаны здесь все представления о живом, о счастье, о богатстве.

— Революция дала нам воду,— сказал аксакал Орусов.

— Конституция? — улыбнулась председатель исполкома сельсовета Гями Гульджерен Амангельдыева.— Конституция — это утоление жажды. Это колодец в конце тысячелетнего пути через пустыню. Вы представить себе не можете жизнь туркмен до Советской власти, до большой воды Каракумского канала.

Я думаю, что и самой-то ей, Гульджерен, трудно представить старую — до воды — жизнь. Она родилась в семье крестьянина, уже ставшего колхозником. Она училась в новой школе. Была и комсомолкой и секретарем райкома комсомола. И снова училась, и была учительницей. А потом лет десять секретарем вот тут же, в сельском Совете в Гями, где теперь избрана председателем исполкома. Где ей, казалось бы, знать о старой жизни!.. Но как только обмолвилась Гульджерен, что из одиннадцати детей у нее выжили шесть, так сразу эта старая жизнь вошла в солнечную комнату.

— Не было людям никакой помощи,— тихо сказала председатель сельсовета,— никакой, ни медицинской, ни человеческой. Вы, наверное, обратили внимание, что соседние с нами хозяйства носят названия «Москва», «Ленинград»? Это память, долгая память о помощи наших русских братьев. С русскими пришли все революционные преобразования. Советы, колхозы, первые учителя и врачи. Первые инженеры и мелиораторы. Русские проектировали Каракумский канал, русские приехали в нашу пустыню, в желтое безлюдье, чтобы живая вода обратила пески в пашню. Все туркмены знают имена лучших строителей канала...

— Когда в аул пригнали первый трактор,— посмеивается сребробородый Хыдыр Орусов,— ни один из нас к нему не подошел.

А ведь ему тогда было уже за двадцать пять!.. Искали в тот день среди парней аула Гями не грамотных, хотя уже кое-кто умел прочесть газету,— смельчаков.

Жизнь поколения, одного поколения... Вечный спор — много это или мало? Сто лет? Пятьдесят, тридцать?.. Аксакал из Гями — даже он — только по рассказам отца знает о революции. И он же, Хыдыр Орусов, будучи двадцатипятилетним парнем, боялся трактора, за рулем которого сидел и хохотал голубоглазый питерский парень с облупленным носом. А какой мальчишка в новом Гями побоится ныне сесть в кабину трактора или автомашины? Такое невозможно себе представить — исключено. Об этом как-то забываешь, точнее, не думаешь вовсе. Канал? А разве он не всегда проносил свою желтую воду меж барханов? Не всегда. В том-то и дело, что, кроме песка и верблюжьей колючки, на этом месте еще недавно ничего не было. Канал все дал. Более чем в четыре раза увеличился объем производства продукции в колхозе «Совет Туркменистаны». Вчетверо!

...У аксакала шрам над правой бровью. Старик заметил мой взгляд и сказал:

— И еще один осколок до сих пор вот здесь... У нас за Каспием немцев не было, но та война называлась Отечественной. Туркмены воевали за право жить далеко от своих аулов, воевали, как все. Я воевал и под Москвой, и в Белоруссии, и в Литве. Минометчиком... Ты пойми, товарищ, я плакал, когда увидел русскую деревню после плена.

В нынешнем Гями нет следов старого. Зато примет нового не перечесть.

...Звонок, из многоэтажной школы высыпала ребятня — у ворот ее поджидала машина с мороженым. Знает продавец, когда приехать! Визг, толкотня и, кажется, урчание, стон от удовольствия... А рядом отличный Дворец культуры: два зала, два фойе, ленинская комната и картинная галерея. В торжественной галерее — тридцать семь отличных портретов: знатные жители Гями, те, кто, трудом и ратными делами прославил знаменитый колхоз. Здесь и портреты смельчаков, севших первыми на трактор: Ораз Атаев, Ялкаб Моммыев, Огульсолтан Курбандурдыева...

Зеленый чай, одна пиала, еще и еще... Без чая какой разговор!

Председателя сельсовета почти не зовут официально — по имени и отчеству. Для большинства жителей Гями она просто Эне, а по-русски так даже еще ласковее — Энешка. Вот идет она по тротуару вдоль ожившего после полудня арыка, и каждый встречный здоровается, справляется о самочувствии:

— Салам, Эне!..

Амангельдыева знает всех, знает все о каждом. Одних учила, других когда-то в комсомол принимала, у третьих училась сама, четвертому подписывала свидетельство о браке, а пятому — о рождении. Сельсовет — средоточие советского образа жизни в поселке. Права односельчан, их обязанности... Об этом у нас и разговор...

В Гями около шести тысяч избирателей. Население увеличивается стремительно. Врач Дурли Танрыбердиева, депутат сельсовета, свидетельствует, что за последние годы — ни одной детской смерти. В прошлом году в Гями родились 167 мальчиков и девочек, а за три месяца нынешнего — уже восемьдесят. Сама же врач, стройная, ласковая женщина с высшим образованием,— пятый ребенок в прошлом малограмотного чабана, мать троих черноглазых ребятишек. Ей тридцать один год...

Кто они, депутаты сельсовета? Председатель колхоза, он же член исполкома сельсовета, Муратберды Сопыев — уроженец Гями, был когда-то чабаном, точнее, подпаском, потом учился, теперь уважаемый человек в Туркмении, Герой Социалистического Труда. А лет ему — сорок один... Отметить возраст важно — тогда видны темпы роста людей. Членом исполкома избран и директор средней школы № 2 Ата Гелдиев. И знакомый уже мне Хыдыр Орусов, он же председатель совета старейшин. Член исполкома Акнабат Реджепова родилась в год принятия новой Конституции СССР — 1936-й, она коммунистка, работает заведующей птицефабрикой.

Среди депутатов есть и трактористы, и бригадиры, и учителя, и врачи... Они — избранники жителей Гями — и осуществляют народовластие на месте. Конечно, регистрация новорожденного, вручение свидетельства о браке и торжественные слова под шампанское — это важная часть работы. Но сельский Совет — это прежде всего деятельность депутатских комиссий, женсовета, совета старейшин. Их забота — помощь старикам, ветеранам колхоза, внимание к людским нуждам, к многодетным семьям. Есть семьи без кормильца, таких без постоянной помощи не оставляют. Есть одиночки — как старушка Дурлигозель Аннаэсенова,— к таким идут пионеры: окопать виноградную лозу, нарубить сучьев... У Майсы Горлыева остались пять ребят, одному трудно, так вот сельсовет добился, что колхоз взялся новый дом ему построить. Уже строят. Кому дрова на зиму, кому муки или денег... Все знает Энешка, обо всех помнит. Доложит на заседании членам исполкома, а те: «Какой разговор, конечно, помочь. Свои же все...» Свои! Это очень много значит, когда свои. Когда судьбы людей как на ладони. И я ее понимаю. Один арык обегает все дома, все улицы, бежит вода от одного двора к другому, омывает все огороды, все виноградники, все деревья, одна вода из одного источника... Были четыре аула, а двадцать лет назад они съехались, их канал объединил — вместе его строили, потом вместе переезжали в новый поселок Гями и уже через два года — к 1968 году — его построили. Восемь лет назад не было и двухсот школьников, теперь более тысячи! Вот и пришлось колхозу раскошелиться, построить новую десятилетку. Потом больницу, которой в старом ауле и в помине не было.

О колхозе слово особое. Все благие намерения сельсовета выполнимы постольку, поскольку крепнет экономика орденоносного колхоза «Совет Туркменистаны». Коттеджи, улыбки стариков, газовые светильники, рекорды на ипподроме, шумные свадьбы — все это деньги колхоза. Общие деньги. Очень трудная весна этого года одолима лишь потому, что колхоз наращивал свою силу со дня прихода воды.

Муратберды Сопыев вновь и вновь сыплет цифрами. Одна из них — самая первая — повторяется трижды: земли у колхоза многие десятки тысяч гектаров. Такова туркменская реальность. Земля тут не мерена. А посевной — 3 758 гектаров, столько, сколько можно полить, и ни гектаром больше. Нет воды — нет земли. Так вот, хозяйство, супергигантское по размерам землепользования, оно вполне нормально по величине рукотворного ковра культурного севооборота. И этот отнюдь не волшебный ковер дал жителям Гями в 1971 году более девяти с половиной миллионов рублей! Десять лет назад поля и люди получали в старом ауле 280 литров воды в секунду. Жить можно было, если помнить, что нынешнего Гями тогда просто не существовало. Теперь Каракумский канал дает 2 000 литров воды в секунду, и вот люди получили в четыре раза больше продукции — зерна, фруктов, винограда, мяса, овощей. Асфальт, водопровод, электричество, газ... Дворец культуры, Дом быта, свой роддом, даже баня и мощный холодильник. Будут еще и теплица, и стадион, а еще и консервный завод.

Вода и люди... Люди и вода строят вместе новую жизнь в Гями. Вода, а дорого ли она стоит? На поливе она бесплатна — государственная. Таков закон нашей жизни. Нельзя за право жить брать деньги. Вода в водопроводе для колхозников тоже бесплатная — колхоз оплачивает. Люди это понимают, поэтому их труд здесь отличается добросовестностью и высокой экономичностью. Соответственна и оплата — в месяц до 168 рублей в среднем. Колхоз для них построил дома — в рассрочку на десять — пятнадцать лет. Труд почти на всех участках механизирован. Не забыт и отдых: по субботам кино бесплатно. Спектакли приезжих трупп — раза два в месяц — покупает колхоз.

Сумма услуг, которую оплачивает колхоз, более двухсот тысяч рублей в год! Расшифровать? Семнадцать тысяч — школьные завтраки. Более двадцати тысяч — доплата к пенсиям престарелых колхозников. Около сорока тысяч — путевки в санатории и дома отдыха. Почти по сорок тысяч рублей тратит колхоз в год и на детские ясли, и на премии, и на выплату студенческих стипендий своим будущим специалистам.

— Записали? — ждет Сопыев. И привычно итожит: — Вот что дала Советская власть, советская Конституция туркменскому крестьянину...

Очень убедительно.

Любят туркмены праздники, тои (пиршества) и национальные игры. Среди игр любопытная «яглыга товусман». Строится она по принципу видит око, да зуб неймет. К шесту довольно высоко привязан приз (платок, халат), и желающий все это добыть, разбежавшись, старается дотянуться до приза. Прыжок! Вот-вот, кажется, достанет — ан нет, подвело чуть-чуть. А счастье было так возможно... Старая жизнь туркмен мне лично представляется по рассказам старожилов Гями обидной игрой «яглыга товусман». И земли вокруг много и солнца, а не было его, счастья. Потому что не было у туркмен ни воды, ни гражданских прав — просто власти Советов не было. А когда нет прав, когда нет ее, власти, у тебя, у твоих односельчан, тогда нет ничего — ни образования, ни защиты от наглой силы, ни лакомого куска, ни детей. Теперь все стало на свои места. Люди получили права. Земля — воду. Закон стал законом. А древняя игра осталась игрой, поводом посмеяться в кругу односельчан и не больше. У моих друзей в Гями свои законы, свои игры. И охраняет их ленинский принцип народовластия.

СОЛИДАРНОСТЬ

«В капиталистическом мире происходит мощный подъем рабочего движения. В ряде стран оно стало крупнейшим фактором общественно-политической жизни. В развернувшихся классовых боях все заметнее видна тенденция, на которую своевременно обратили внимание коммунисты, а именно перерастание экономической борьбы в выступления против всей системы государственно-монополистического господства. Об этом достаточно ясно свидетельствуют закончившаяся недавно успехом стачка английских шахтеров, мощные массовые выступления итальянских трудящихся, крупные забастовки в ряде других стран. Нас радуют успехи рабочего движения Латинской Америки, Азии и Африки».

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XV съезде профессиональных союзов СССР.

Шарль А Р О Ш,
французский публицист

День 1 Мая каждый год приобретает значение, которое выходит далеко за рамки просто традиционного праздника в силу решающей роли рабочего класса и трудящихся во всех областях жизни человечества. В этом году 1 Мая отмечается в обстановке общего кризиса государственно-монополистического капитализма — исторический факт, который поднимает множество проблем и порождает немало мыслей на этот счет.

Империалистическая система эксплуатации и угнетения сталкивается с растущими трудностями. Она не в состоянии преодолеть противоречия, присущие ее классовой природе, разрешить проблемы, которые ставит перед ней научно-техническая революция,— изменение соотношения сил в международном масштабе в пользу системы социализма, национально-освободительные движения и все более мощные битвы трудящихся в развитых капиталистических странах.

Финансовые конвульсии капитализма, прежде всего доллара, безошибочное предвидение нового кризиса со всеми его последствиями, основанное на реальной действительности, понятны отныне трудящимся массам. Они отказываются расплачиваться за это. Отсюда усиление классовых боев в каждой капиталистической стране и поиски демократической и прогрессивной альтернативы с целью преодолеть кризисы — тот кризис, который свирепствует в настоящее время, и тот, который ускоряют сами хозяева монополий.

Успехи, достигнутые СССР и другими социалистическими странами, оказывают огромное влияние и играют решающую роль в нынешней обстановке и в понимании миллионами трудящихся волнующей реальности социализма. В капиталистических странах, где безработица растет, где обеспечение занятости становится все более ненадежным, люди задумываются над необходимостью заменить эксплуататорские режимы более гуманными. Социализм становится магнитом, достижимым горизонтом, близкой реальностью. Перед лицом этой неодолимой тяги, которая охватывает все более широкие слои, реакция империалистических сил, по существу, не изменилась, хотя методы приспособления к кризису государственно-монополистического капитализма и стали иными. Они сводятся к тому, чтобы сдержать движение, которое ведет народные массы к социализму. Но в действительности капитализм и империализм ограничены орбитой, которая все более сужается в результате поступательного движения мировой системы социализма и национально-освободительных революций.

Как же капитализм может реагировать на это историческое изменение ролей в мире, когда наиболее явственной тенденцией является тесная связь между мировой системой социализма и национально-освободительным движением? Как он может сосредоточить все средства, чтобы устоять перед ходом мирового развития, которое ускользает из-под власти империализма? Как «примирить» капиталистическую и частнособственническую форму экономики с производительными силами, которые вышли за национальные рамки, как извлекать максимальные монополистические прибыли из международного разделения труда?

Ясно, что процессы экономической и политической интеграции монополистического капитализма представляют собой именно такую форму «примирения» в обстановке усугубляющихся противоречий. Но это не что иное, как реакция империализма на объективные законы развития производительных сил, которое властно диктует переход к социализму.

Интернационализация капитала — это отнюдь не мирный процесс. Это ожесточенная борьба, которая развертывается в различных областях. Она поднимает проблемы, вытекающие из столкновения между общим конъюнктурным развитием капитализма и развивающимися странами.

Динамика исторического развития благоприятствует не эксплуататорам, а эксплуатируемым. Вот о чем говорит общая расстановка сил, вот как она выглядит в этот день — 1 Мая 1972 года.

СССР и другие социалистические страны представляют собой движущую силу этой динамики исторического развития.

К ним устремляются мощные потоки дружбы и пролетарской солидарности всех трудящихся мира.

На них обращены взоры героических борцов Вьетнама, которые изгоняют из своей страны империалистических агрессоров.

С ними народы арабского Востока связывают надежду на победу своего справедливого дела.

В их лице трудящиеся капиталистической Европы видят гарантию мирного сотрудничества между народами, коллективной безопасности и всеобщего мира.

Перевела с французского
Н. Зиновьева.

Бастуют рабочие фабрики по производству пластмассовых изделий, расположенной в лондонском районе Вулвич. Забастовка объявлена в ответ на произвол хозяев, которые по политическим соображениям уволили одного из рабочих. Забастовщиков поддержали трудящиеся близлежащих предприятий, профсоюзные организации, студенты. Был создан фонд помощи бастующим. Средства в этот фонд поступали из всех районов Лондона. На снимке: группа бастующих рабочих, которые пикетируют вход на фабрику.

Под девизом борьбы за обеспечение прав на труд в столице Франции состоялась массовая демонстрация трудящихся Парижского района. В демонстрации, организованной по призыву крупнейших профсоюзных центров страны — Всеобщей конфедерации труда и Французской демократической конфедерации труда,— приняло участие более 20 тысяч человек. Участники демонстрации прошли от площади Бастилии до площади Республики, где состоялся митинг.

«Первомай — против дороговизны» — под таким лозунгом проходят массовые манифестации японских трудящихся в Токио и 150 других промышленных центрах страны. На этом снимке вы видите рабочих во время демонстрации. Они несут плакат с надписью: «Мы работаем и работаем, а получаем гроши».

Используя благоприятную для себя конъюнктурную обстановку, сложившуюся в экономике Канады, представители большого бизнеса и крупных монополий США потоком шлют в адрес канадской администрации предложения основать производство и скупать крупные участки территории страны. Удельный вес промышленных предприятий, принадлежащих иностранным хозяевам, уже сейчас довольно высок. Американский капитал продолжает наступление на экономику Канады. Недавно в Монреале состоялся митинг, участники которого потребовали национализации промышленности и закрытия в стране иностранных предприятий. На плакатах написано: «Шахты — горнякам», «Мой босс живет во Флориде».

Женщины Италии в течение последних десяти лет находятся в центре борьбы трудящихся за повышение жизненного уровня и улучшение условий труда. Во многих городах страны проходят массовые демонстрации, участники которых требуют подлинного равноправия женщин, расширения сети детских учреждений и предоставления условий для активного участия их в общественной жизни. На снимке: работницы Рима на демонстрации в защиту своих прав.

Фото ТАСС.

ШЕЛКОВИЧНЫЙ КОКОН

Вл. ЛИДИН

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

К летчику гражданской авиации Орефьеву подошел в ташкентском аэровокзале старик.

— Извините, пожалуйста,— сказал он.— Вы, кажется, командир самолета, улетающего рейсом 652 в Москву?

— Допустим,— отозвался Орефьев.— В чем дело?

Старик был с белой бородой, но как-то отдельной от его розового лица и больших голубых глаз, столь отрочески чистых, что Орефьев сразу же смягчился.

— В чем дело?— повторил он.

— Я к вам с превеликой просьбой... с вашим самолетом летит в Москву моя внучка, ей всего восемь лет, и так страшно отпускать ее одну. Может быть, попросите какую-нибудь из ваших бортпроводниц, чтобы присмотрела за ней дорóгой. Она ведь в первый раз в своей жизни летит.

А за спиной старика стояла девочка, смирная и покорная, с черными, печальными глазами, через ее плечо перекинута была клетчатая сумочка, и по тому, как она держала руку на сумочке, можно было понять, что в сумочке все ее ценности и она так и будет держать на ней руку всю дорогу.

А дальше летчик, хотя разговор был на ходу, узнал от старика, что несколько лет назад умерла жена сына, внучку сын привез к своим родителям, а год спустя женился снова, и теперь, хоть и больно отправлять внучку в Москву, но оставить ее у себя он не может: девочке нужен присмотр, сам он работает на шелковичной плантации, дома почти не бывает, и пока жива была бабушка, девочка оставалась с ней, а сейчас единственный выход — отправить ее обратно к отцу, хотя он просил не торопиться с этим.

— Ладно, доставим тебя в полной сохранности,— сказал Орефьев девочке, но, заглянув в ее печальные глаза, испытал некую глубокую сердечную боль.

Он попросил одну из стюардесс, Нину Званцеву, которая сама недавно стала матерью, присмотреть за девочкой, старика проводить внучку на летное поле не пустили, он остался стоять у железной решетки вокзала, с белой непокрытой головой, а девочка шла как на заклание, и Орефьев, наблюдая из окошка самолета за посадкой, думал о том, что горше всего узнать заклание в детстве, в ту хрупкую пору, когда нужно особенно оберегать детскую душу. Эта мысль пришла еще и потому, что он сам пережил нечто схожее, когда отец оставил мать с двумя детьми, ушел с другой, и обида и тревога за мать остались на всю жизнь.

Как всегда, летное поле с его огромным небом, с дуновением ветра или его порывами походило на берег моря, когда шум набегающих волн и сильный морской воздух глубоко проникают в человека, и хотя уже столько летал он, Орефьев, на своем веку, налетал те заветные километры, когда летчик становится миллионером,— каждый раз, вдохнув пахнущий не то цветущими травами, не то полынью воздух, он сразу же ощущал совсем другой мир.

Нина Званцева усадила девочку на ее место, сказала ей:

— Я с тобой всю дорогу буду, маленькая, так что не беспокойся, и покормлю тебя потом. А ты поглядывай в окошечко, облака внизу увидишь, ты никогда их сверху и не видела.

Девочку звали Надей, а дедушка Илья Артемович Астахов был лесоводом, и девочка успела еще рассказать Нине Званцевой, что побывала раз у дедушки на его плантации, а тутовые ягоды очень вкусные.

В полете Орефьев никогда не думал ни о чем постороннем, все сразу выключалось, как только он занимал свое место пилота, на этот раз, однако, набегало по временам, как сидит в напряжении страха или восторженности маленькая девочка, смотрит на невиданные облака внизу, похожие на стада овец, от жаркого солнца пылает лицо, а может быть, именно от страха перед предстоящей судьбой она вся напряжена со своим пылающим лицом...

Из глубины памяти возникло на миг, как мать, оставшись с двумя детьми, спросила их: «Как же мы будем жить теперь, деточки?»—и он, Миша Орефьев, только прижался щекой к ее коленям. Теперь мать, уже старая, уже испытавшая столько, каждый раз, однако, тревожится, когда он улетает, и сейчас же по прилете куда-либо — в Ташкент или Караганду, а то в Свердловск или Новосибирск — он посылает телеграмму: «Целую Миша»: это значит, что все благополучно и он мыслями с ней.

А несколько лет назад, разойдясь с женой, он как бы заново обрел отчий кров, мать снова заняла свое место, но она и не уходила никогда от него, была с ним и тогда, когда ее место заступила другая.

И он вспомнил на миг о старике с белой бородой, сквозь которую просвечивало розовое лицо с отроческими, чистыми голубыми глазами... наверно, днем и ночью шуршат тутовые деревья от пожирающих их листья гусениц.

— Взгляни-ка, Вася, по пути,— сказал он поднявшемуся, чтобы пройти в салон, второму пилоту Сергееву,— летит одна девчушка лет восьми, как она там, и Нине напомни, чтобы присматривала за ней.

В салоне было все по-путевому, давно прошли внизу виноградники, прожилки арыков, рыже-желтый лёсс, который после дождя становится похожим на поливу, всё в нежной мгле, по временам облака в том странном надмирном блуждании, когда невольно подумаешь о плавающих в небесном океане без руля и ветрил светилах...

Стюардессы уже начали разносить подносы с завтраком, Нина Званцева показала девочке, как нужно выдвинуть столик из кресла впереди, поставила на него поднос с едой, и девочка, косясь на сидевших рядом, старалась делать все так, как делали они, разрезала ножом рогульку, намазала ее маслом, так боялась уронить кусочек или пролить чай из толстой чашки, а Нина Званцева, раздав подносы, вернулась к ней, сказала:

— Не торопись, деточка, ешь помаленьку.

— Порядок,— сообщил Сергеев, вернувшись на свое пилотское место,— ест и пьет, значит— порядок.

Потом Орефьев подумал, почему сын написал старику, чтобы он не торопился отправить внучку в Москву, но тогда могла возникнуть еще целая картина чужой жизни, думать о таких вещах было не к месту, самолет пролетает над Джусалы, затем будут Актюбинск и Куйбышев, а там и Домодедово...

Возвращаясь из полетов в Среднюю Азию, Орефьев всегда привозил матери фрукты, если был сезон, зимой — изюм или урюк, сейчас вез корзинку с большими персиками, только день или два дня назад снятыми с дерева, некоторые еще с веточками и листочками. Обычно сейчас же по прилете, только управившись с делами, он ехал к матери, жившей в крутом переулке на улице Богдана Хмельницкого, и всегда в воображении был этот переулок, давно из Малого Трехсвятительского переименованный в Малый Вузовский, много предметов в комнате матери знакомо было еще с детства, он помнил глиняного гнома с продольным отверстием в красном колпаке — его детская копилка, сохранила мать и его школьный альбом для марок, и Орефьев както полистал его, нашел одну почтовую марку, в свое время предмет его гордости и зависти собирателей-одноклассников. Сберегла мать и планшет, с которым воевал он в войну, летал и в тыл врага и в партизанские районы,— все это было в ее гнезде, матери...

После расхождения с женой, несчастливого и неверного брака, отнявшего у него много душевных сил, Орефьев оставил все бывшей жене, а год спустя получил однокомнатную квартиру в новом доме, построенном для летчиков гражданской авиации. Однако домом теперь была больше комната матери, не один свободный вечер лежал он с книгой в руках на диване у нее, а соседи дивились, что у сухой, маленькой старушки такой могучий сын.

Он и теперь собирался прежде всего заехать к матери, вручить ей корзинку с персиками, пусть при нем понюхает, как пахнет персик, снятый день-два назад с дерева.

В Домодедове встретила московская осень с дождем, над летным полем лежал туман, и лайнеры, несмотря на свое могущество, стояли понуро, как больные птицы. Орефьев зашел сначала в диспетчерскую, потом прошел в аэровокзал купить утренние газеты и почти сейчас же увидел Нину Званцеву, стоявшую в некоторой растерянности рядом с девочкой.

— Михаил Полиевктович, не знаю что делать... мы почти целый час стоим на самом виду, никто и не встретил,— сказала Нина.— А отвезти по адресу девочку я не могу, у меня маленькая, вы сами знаете.

Если тогда, когда она только собиралась лететь, в глазах девочки был лишь страх перед неизвестным, то теперь в них была беззащитная покорность, словно она уже уверилась в предстоящей ей судьбе, и Орефьев снова почувствовал, как в его испытавшее все на свете сердце проникло и еще нечто...

— Ничего, доставлю тебя в аккуратности,— сказал он ей.— Сдам как заказное письмо под расписочку. Где адрес твоего отца?

Девочка раскрыла свою перекинутую через плечо сумочку и достала записанный, видимо, дедом, адрес.

— Улица Столетова? — задумался Орефьев.— Где же она находится? Ладно, найдем как-нибудь.

Нина держала девочку за руку, сразу же ставшую влажной от волнения, сказала:

— Это наш командир, деточка... он хороший человек, можешь на него положиться.

Потом она смотрела вслед, как Орефьев ведет девочку под локоток, и казалось, Москва сразу же встретила какой-то утратой.

Шофер такси подумал минуту, сказал: «Знаю улицу Столетова»,—и Орефьев посадил девочку в машину и сел рядом.

— Ну-ка, покажи свои капиталы,— сказал он, взглянув, как девочка придерживает рукой сумочку.

Девочка открыла ее, в ней лежали аккуратно сложенная трехрублевка, металлический рубль, еще несколько монеток и справка из школы, что ученица второго класса Надежда Астахова направляется в Москву по месту жительства своего отца, лежало и еще что-то, завернутое в марлю.

— Вот эту красненькую приложишь,— сказал Орефьев, достав из кармана бумажку,— мало ли какие расходы могут быть у тебя в Москве. А вообще-то все будет о'кей.

Она взглянула на него, слóва «о'кей» не знала, но, видимо, это было доброе слово. Что-то прошло между ними, о чем и не скажешь, и девочка несколько ободрилась и спросила:

— Вы тоже живете в Москве?

— А как же... и мамаша у меня есть, хоть и старенькая, но такая же добрая, как твой дедушка, наверно.

— Дедушка добрый... но так у нас получилось, такое осложнение,— сказала девочка голосом взрослой,— а что же дедушке делать, он целый день на своей плантации, а пока жива была бабушка, я всегда была с ней, а год назад бабушка умерла.

Девочка вдруг снова открыла свою сумочку, развернула завернутое в марлю и достала шелковичный кокон.

— Возьмите, пожалуйста, один... это дедушка разводит. Я пять штучек с собой взяла, а папе я четыре штучки отдам.

— Что ж, спасибо,— сказал Орефьев и подержал в руке шелковичный кокон.— Сохраню на память о нашем с тобой полете, все-таки мы вместе летели.

Он положил кокон в карман своей куртки, и стало так грустно почему-то, словно гусеница выткала этот кокон специально для грустной памяти о чем-то несовершившемся в его жизни...

Они ехали из далекого Домодедова, и за долгий путь можно было передумать о многом, а девочка рассказала тем временем, что при бабушке было так хорошо, а после ее

смерти стало совсем плохо, и дедушка часто плачет, но чтобы никто не заметил, а она всегда замечает.

— Ничего не поделаешь,— вздохнул Орефьев,— старые уходят, молодые растут, и тебе только расти и расти... а дедушке пиши письма почаще.

— Хотите, я покажу вам карточку бабушки? — и девочка достала из сумочки маленькую любительскую фотографию старушки.

— Да, сразу видно, что и она была доброй, твоя бабушка,— сказал Орефьев.

Старушка походила на его мать,— наверно, добрые люди всегда чем-то похожи друг на друга.

Большой новый дом на улице Столетова както отчужденно блистал окнами, и когда поднимались в лифте на шестой этаж, девочка уже совсем потерянно притихла. Испытал и Орефьев некоторое стеснение от своего вмешательства в чужую жизнь.

Дверь открыла женщина, рослая, красивая тяжелой красотой, с повязанным в виде чалмы полотенцем на голове, в темно-синих холщовых брюках с накладными, нарочито грубо прошитыми карманами, вопросительно, даже несколько неприязненно взглянула на Орефьева, потом на девочку, а минуту спустя, узнав, кто Орефьев и кого он привез, сказала:

— Но ведь Николай Ильич написал в свое время, чтобы повременили с этим. У нас ремонт, я сама у соседей ночую, а муж в командировке, будет не раньше декабря.

Она смотрела на девочку так, что та только крепче сжимала руку Орефьева, как бы умоляя не оставлять ее здесь.

— Да, неудачно получилось,—сказал Орефьев.

Ему хотелось добавить, что девочку все-таки следовало встретить, а не рассчитывать, что кто-нибудь привезет ее: впрочем, женщина могла сказать, что и не получила никакой телеграммы.

— Правда, мы с Ильей Артемовичем договорились, что в случае чего девочка сможет побыть некоторое время у моей матери.

Женщина минуту подумала, стояла крупная, в брюках, делавших еще более мощной ее фигуру, а в руке у нее была пыльная тряпка.

— У меня маляры работают, я из дома и не выбираюсь,— сказала она.

— Маляры — дело серьезное,— отозвался Орефьев, и женщина несколько насторожилась — уж не насмехается ли он? — Маляры — дело серьезное... недосмотришь — и не так покрасят. Значит, отвезу пока девочку к своей матери.

— Может быть, деньги нужны? — спросила женщина поспешно.

— Нет, какие же деньги... Илья Артемович вручил на всякий случай.

— Вы все-таки оставьте адрес вашей матери. Я сознаю, конечно, что неудобно получилось, но с ремонтом, знаете как,— начни только, и не выберешься.

— Ясно,— отозвался Орефьев.— В общем, поехали... времени у меня мало, да и такси ждет внизу.

— Извините, я даже не спросила вашего имени и отчества,— сказала женщина.

— Орефьев. Михаил Полиевктович.

— А меня зовут Лина Евгеньевна.

Казалось, она только теперь разглядела летчика с его представительной внешностью и застыдилась своей неприбранности.

Орефьев достал записную книжку, вырвал из нее листок и записал адрес матери.

— А вашу мать это не стеснит? — спросила женщина нерешительно, и он мысленно усмехнулся: скажи — стеснит, чтó она ответила бы?

— Да нет... нисколько.

Он козырнул, а его левую руку крепко сжимала рука девочки.

— Ничего, дочка, Москва — город большой,— сказал он, когда спускались по лестнице,— домов в ней много, и крыш тоже много... найдется и для тебя крыша, так что — порядок. Теперь — Малый Вузовский,— сказал Орефьев водителю.— Сегодня план выполните.

И они поехали по огромной Москве со множеством домов и множеством крыш в ней — поехали в Малый Вузовский.

— Нам с тобой, мать, нужно одну страницу приютить... одну перелетную птаху,— сказал он, едва мать открыла им дверь.

Она привыкла все понимать, столько уже повидала за свою жизнь, и не иссякло добро, которое неизменно было в ней, Орефьев знал свою мать с ее сердцем.

— Мы перелетным птахам всегда рады,— сказала она чуть певуче.— Тебя как зовут, деточка?

Мать ни о чем не спросила, раз сын привез девочку — значит, так было нужно, все в их жизни всегда шло в согласии, и даже, когда сын женился, оставалось в согласии.

Она поставила чайник, вскоре сели за стол, и чем-то походила Анна Петровна на покойную бабушку, походила добрыми своими руками и добрым взглядом старых глаз, и добрые руки намазывали ей, Наде, хлеб и клали сахар в чашку.

— Я сейчас по делам поеду, а ты с моей мамой останешься,— сказал Орефьев, когда они позавтракали.— Переночую сегодня у тебя, мать... а завтра мне снова лететь.

— Это чья же дочка?— спросила мать в прихожей, когда он уходил.

— Может, моя, твоя внучка иначе,— ответил он.— Всякое случается на свете, может, наша с тобой.

И первый день в Москве прошел добро и тихо, а женщина в брюках и с чалмой на голове казалась только привидевшейся, сначала страшно было даже думать о ней, а потом как-то сгладилось это.

Орефьев вернулся к вечеру, с утренним рейсом он снова улетал в Ташкент, поставил будильник на шесть часов утра, но мать, наверно, уже в половине пятого встанет, и неизвестно, когда она спит, если сыну утром улетать... А несколько часов спустя она уже ждет от него телеграммы, так раз навсегда условлено между ними, и хоть пора бы матери привыкнуть, что сын у нее летчик, но, должно быть, не привыкнет никогда.

— Может, твоего дедушку повидаю,— сказал Орефьев девочке,— доложу: долетела хорошо, всё в порядке, а ты открыточку ему напиши, я брошу ее в почтовый ящик в Ташкенте.

Мать достала раскладушку, уложила девочку спать, а сыну постелила на диване, и рядом на столике стоял будильник, неусыпный спутник его скитальческой жизни. Перед сном, уже лежа в постели, Орефьев прочел открытку, которую должен был кинуть в почтовый ящик в Ташкенте.

«Дорогой дедушка, я хорошо долетела, я смотрела в окошко, а под нами были облака, одно очень длинное, мы долго летели над ним. Эту открытку опустит в Ташкенте летчик дядя Миша, с которым я летела, а папы в Москве нет, а у его жены дома ремонт, работают маляры, так что я пока буду жить у Анны Петровны, она добрая, ты не беспокойся. Что же делать, если такие обстоятельства. Я буду часто писать тебе, а ты тоже пиши».

Надя добавила, чтобы он писал пока на адрес дяди Миши, но адреса не было, и Орефьев вписал его.

Будильник зазвонил в шесть часов утра, но стол был уже накрыт, на горячий кофейник надет чехол в виде женщины-узбечки в ярком дербиши, а мать уже давно не спала, да и засыпáла ли в ту ночь, когда наутро сын должен был улететь, наверно, мысленно была вместе с ним весь предстоящий ему летный путь...

Они с матерью тихо, чтобы не разбудить девочку, позавтракали, мать сказала:

— Встанет — яичко для нее сварю. А отцы всякие на свете бывают, но плохого для девочки не случится, надеюсь.

— И я надеюсь,— ответил Орефьев.— Возьми-ка один подарочек, который я от нее получил... говорят, шелковичный кокон приносит счастье, оно в самом конце нити, нужно только умело размотать. Нам с тобой хорошо бы немного его.

— А нам много и не нужно,— ответила мать.— Не забудь только, как прилетишь — сейчас же дай телеграмму, я, пока не получу, и не живу вовсе.

— А как же: левой рукой опускаю открытку в почтовый ящик Илье Артемовичу, а правой посылаю тебе телеграмму — и порядок, о'кей.

Теперь это слово было уже знакомо девочке, она не спала, слышала, как мать с сыном тихо говорят друг с другом, и улыбнулась: слово было доброе, иначе Орефьев и не произнес бы его.

ВАШИ ЗАБОТЫ ОБ УЛЫБКАХ

КРЕСЛО № 24

— Если уж говорить об улыбке, то радостнее всего я улыбалась шесть лет назад после провала на конкурсе молодых парикмахеров Москвы,— вспоминает Валентина Соколова.— Тогда я соорудила на голове клиентки высоченную башню и увенчала ее клумбой из лютиков и ромашек. До сих пор не понимаю, что меня заставило так украсить в общем-то приличную прическу. Лютики-цветочки спереди не были видны, и меня сфотографировали вместе с другими участницами конкурса. А вскоре этот снимок появился в «Огоньке». Представляете, как я радовалась! С этого, в общем-то, и началась моя карьера дамского мастера: пришлось тянуться, чтобы оправдать аванс «Огонька». Через год я снова участвовала в конкурсе, и, хотя не стала победителем, меня пригласили в только что открывшийся салон «Чародейка». Так я стала работать у кресла номер двадцать четыре. И снова мне повезло: рядом были прекрасные мастера, у которых я многому научилась.

Стала я мастером первого класса, а на городских конкурсах регулярно вхожу в олимпийскую шестерку. Могла бы подняться и выше, но, как говорится, хромает обязательная программа...

— Что это вы языком спортивного комментатора заговорили?

— А при чем тут комментатор? — обиделась Валя. — Я сама занимаюсь фигурным катанием.

— Очень хорошо. На катке судьи определяют, удалась ваша программа или нет, так?.. А как оценивается работа у кресла двадцать четыре?

— По той же улыбке! Иногда приходят женщины, которые, садясь в кресло, закрывают глаза. Глянет потом в зеркало, сглотнет воздух, кое-как растянет в улыбке губы и выдохнет: «О-ой!» Тут и гадать нечего — надо прическу переделывать. А когда я слышу восхищенное «Ах!» и вижу счастливо-удивленную улыбку, радуюсь не меньше этой женщины.

— Скажите, Валя, кого вы больше всего любите причесывать?

— Невест и гостей Москвы! Обычно невеста приходит незадолго до регистрации брака, времени-то у нее в обрез. Естественно, девушка нервничает, а то и всплакнет. По вестибюлю мечется бледный жених и ежеминутно смотрит на часы. Тут уж работаешь с полной отдачей... Ну, а гостьи Москвы, причесанные в «Чародейке», уезжают домой не только в хорошем настроении, но и, сами того не подозревая, на всю страну славят труд московского мастера. А мы этим званием очень дорожим!

Весна для нас — самая благодатная пора: больше свадеб, больше и гостей столицы. И я обещаю: все, кто побывает в «Чародейке», уйдут от нас с радостной улыбкой.

Б. СОПЕЛЬНЯК

Рисунок М. УШАЦА.

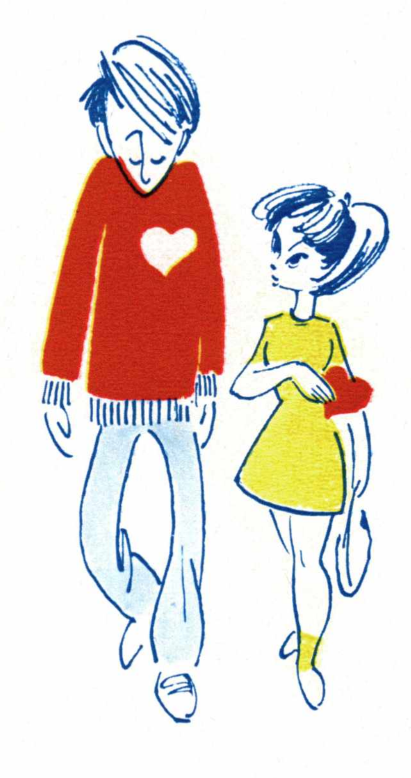

Рисунок В. ЧЕРНИКОВА.

Рисунок В. ВОЕВОДИНА.

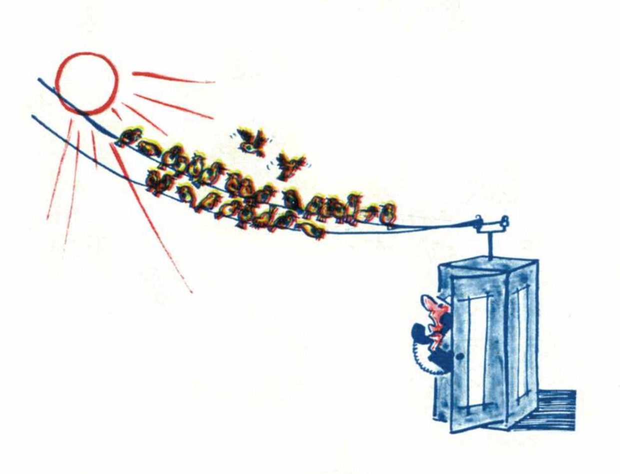

Скворцы прилетели. Фото М. САВИНА.

Молодость.
Фото Л. БОРОДУЛИНА.

— Можно потише!!

Ансамбль электрогитаристов в походе.

Первый купальщик сезона.

Весело! Фото А. БОЧИНИНА.

— Пусть растут повыше...

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА,
В. ЧЕРНИКОВА,
А. АЛЕШИЧЕВА.

Леонид ШКАВРО

РОССИЯ

Стрекочут птицы без умолку.
Растет трава.
Горит роса.
У обновленного поселка
шумят Валдайские леса.

Гудит гудок.
И нежной синью
исходят донники в степях,
и привкус ветра и полыни
я ощущаю на губах.

Хмелеет шмель
в желточках кашки,
где, окольцовывая рожь,
бегут
до Суздаля ромашки:
бери хоть век —
не соберешь!

Волна бредет
с замесом грома
и растворяется вдали,—
то снова, снова
с космодрома
взлетают к солнцу корабли.

Урал рассветами дымится...
А под Медынью,
как всегда,
прохладой полнятся криницы,
и в каждой плавает звезда.

Алдын-оол ДАРЖАА

ХУЛУМЗУРУГ

Красив, богат мой язык родной.
Значенья полон в нем каждый звук.
Возьмем, к примеру, хотя б одно
простое слово — хулумзуруг [1].

Струится черных волос волна.
Стоит тувинка среди подруг.
Любуясь милым своим, она
блеснет улыбкой — хулумзуруг.

Вот мать — совсем еще молода.
Малыш у мамы не сходит с рук.
Взгляни, как радостна и горда
ее улыбка — хулумзуруг.

Подрос немного ее сынок,
помощник мамин и лучший друг,
бежит навстречу ей со всех ног,
он весь улыбка — хулумзуруг.

Он вырос. Строит он города.
Вступил он в тесный рабочий круг.
Полна презренья к врагам труда
его усмешка — хулумзуруг.

Стоит он — труженик и герой.
Земля, как песня, лежит вокруг.
Горда Отчизной, полна мечтой
его улыбка — хулумзуруг.

Перевела с тувинского С. Козлова.

[1] Хулумзуруг — улыбка.

Н. ХРАБРОВА

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Мглистым весенним утром, еще до рассвета, надо подняться в горы. Если не проспишь это короткое мгновение, то увидишь, как с вершин скользит по склонам солнечный свет, как в темной зелени весенних сочных трав вспыхивают острые алые огоньки: это вместе с солнцем и утром появляются на свет тюльпаны.

В первую пору они не покрывают горных склонов сплошным ковром, а растут на расстоянии друг от друга: их надо искать и находить. Не надо спешить срывать низкий стебелек с сизыми, в коричневую крапинку листьями, надо осторожно потянуть его, и длинный, гибкий стебель, достойный высоких прозрачных ваз, выдернется из земли. В гостиницу или в самолет надо нести цветы осторожно, закутав от яркого солнца и не сжимая в горячей ладони. И вот комната наполнилась запахом и свежестью гор, и знакомые, заходя к вам, радостно говорят: «О, да у вас уже лола́!» И это слово, круглое и яркое, передает весеннюю сущность горного цветка.

...Я удивилась, узнав, что Гафар Рустамович окончил Ленинградский музыкально-театральный техникум в 1932 году. Окончил сорок лет назад, когда девчонки, содрогаясь от родительских проклятий, срывали паранджу, а в парней с комсомольскими значками стреляли из-за угла басмачи... А тут Гафар уехал бог весть как далеко — в Ленинград да еще поступил в музыкально-театральный, наперекор адату!..

— Было, было всякое,— уклоняется Гафар Рустамович от подробных рассказов о прошлом.

Жизнь Гафара Валамат-заде похожа на колос с крупными зернами: все, что дало ему учение в Ленинграде, а потом в Москве, он передал своему народу. Танцевал в балете, поставил 20 балетных и оперных спектаклей, и вот теперь «Лола́» — молодежный ансамбль песни и танца.

Солистка «Лолы́» Шарафат Рашидова рассказывала:

— Посмотрите на наших малышей: едва научился ходить, а уже ставит ноги в позицию восточных танцев, и руки летают над головой... Вот и я танцевала так с самого раннего детства — сначала во дворе, потом на семейных и на школьных праздниках. Однажды увидела в кино арабский танец, кажется, он и решил мою судьбу. Пошла в кружок самодеятельности, занималась у прекрасной танцовщицы Лолы Хизгиевой... А потом на республиканском смотре меня увидели Нина Тимуровна и Гафар Рустамович. Если бы вы знали, как они учат нас работать, понимать искусство!..

Слушаю Шарафат, любуюсь ею и вспоминаю Таджикистан полтора десятка лет назад. Тогда от встречи с молодежью осталось ощущение красоты, но и некоторой скованности. Ребята еще не очень свободно говорили по-русски, девушки отмалчивались совсем, отворачиваясь и смущенно улыбаясь, хотя где-то неподалеку от института танцевала свой первый танец совсем маленькая Шарафат... И вот она выросла. Вся светится доверием и искренностью, по-русски говорит, как русская. Мысли ее об искусстве серьезны и утонченны.

А вот еще три солистки — Халима Иркаева, Хозият Боева и Малика Каландарова. Они из кружка во Дворце пионеров. Даже в школьных сочинениях они писали, что хотят быть артистками. И добились своего.

Пятьдесят семь человек в ансамбле, включая руководителей, костюмеров и шоферов. Танцовщицу Саёрат Кудратову не спутаешь с Азизой Зульфикаровой; Сафар Хасанов непохож на Нигмата Пачаева — в каждом индивидуальное, неповторимое. Объединяет же полнейшее растворение в искусстве, искренность и радость от возможности вот так талантливо и свободно танцевать, что все время кажется: радость эта и искренность вот-вот материализуются, взмахнут косами и тоже понесутся в танце...

Начиналась «Лола́» с того, что Гафар Рустамович вдруг исчез из круга своих друзей. Получив задание организовать молодежный ансамбль, он продумал все и решил три года работать по программам хореографического училища, а в это время нигде не выступать и никак преждевременно не заявлять о себе. Но до этого надо было найти тех, с кем работать. И вместе с Ниной Тимуровной, своей женой и тоже балериной, он начал поиск — такой же пристальный и осторожный, как поиск первых тюльпанов весной на рассвете.

И вот будущие танцоры встали перед ним, и Гафар Рустамович запер двери репетиционного зала...

— Я всегда очень крепко запирал двери и очень просил, чтобы к нам до поры до времени никто не приходил — ни из Дома народного творчества, ни из министерства культуры, ни, извините, корреспонденты. Мы работали по восьми часов ежедневно. Это значит до восьмидесяти потов. Труд-то у нас тяжелый, физический. Но атмосфера была великолепная, творческая, и перед нами была цель: приближался шестнадцатый съезд партии Таджикистана. Я в партию вступил в 1942 году. Понимаете, работа с ансамблем была не только творческой, но и партийной моей работой. И ребята, комсомольцы, тоже это понимали. Мы ускоренно прошли программу хореографического училища и в день закрытия съезда показали первый концерт. Он был полной неожиданностью. С ощущением большого счастья я слышал удивленные восклицания:

— Такой ансамбль у нас? Откуда?!.

Потом у нас было немало успехов, но тот, первый, останется, наверное, самым дорогим. С тех пор мы живем как бы одной семьей...

...Вот и я на несколько дней вошла в эту семью. Мы поехали в кишлак Оби-Киик на концерт. Перед началом все как-то не клеилось, в клубе шел фильм. Ансамбль гримировался в автобусах, и там слышались сетования:

— После фильма все устанут: у них же длинный рабочий день... Совсем не то будет впечатление...

Я сидела рядом с Халимой Иркаевой. Она рассказывала о поездке в Афганистан:

— Мы дали шестнадцать концертов, на них было 12 тысяч зрителей. Если бы дали еще шестнадцать, все равно залы были бы полны. Как принимали!.. Когда мы возвращались домой, нас окружили на дороге крестьяне: они, конечно, не могли попасть на наши концерты, но слышали о нас и очень хотели видеть. И мы танцевали и пели для них, а с гор спускались все новые зрители... Это был самый длинный концерт... Нас просили опять приехать, некоторые плакали.

Тем временем фильм кончился, и в зале началось ЧП: кинозрители не желали покидать зал. Они требовали, чтобы кассир ходил по рядам, продавал билеты на концерт. Халима выглянула из автобуса и пояснила:

— Жители в Оби-Киик не очень-то изменились: мы уже были здесь, они нас знают.

Кто-то крикнул из толпы обикиикцев:

— Начинай, Халима, мы разберемся!

Халима вышла и стала пробиваться в зал. Вслед ей полетели букетики тюльпанов.

— Бросайте так, чтобы я могла поймать,— сказала Халима, поймав на лету тюльпан. Артисты протискались вслед за ней в клуб. Зал пестрел тюбетейками, красными платьями, дышал взволнованно и был в напряженном ожидании.

Халима в радужном голубовато-зеленом наряде вышла на сцену и сказала по-таджикски что-то веселое и приветливое. Незнакомый сосед из оби-киикского совхоза перевел мне:

— Она приветствует всех нас и желает богатого урожая. Концерт будет вести она, Халима Иркаева.

Халима вела концерт с непередаваемым изяществом. Она смешила зрителей, ловила записки и тюльпаны, кланялась и улыбалась, и каж-

дый из нас ответно улыбался Халиме, думая, что она улыбается именно ему. Потом она на мгновение исчезла и вернулась на сцену вместе со всеми, и мы увидели Халиму-танцовщицу: она шла в первой паре с Шарафат. Это был таджикский танец. И было такое ощущение, словно тысячи искр рассыпались вокруг,— все засверкало, засияло, зажглось, и мы, то есть зрительный зал, почувствовали себя близкими друзьями. Когда танец кончился, Халима снова стала конферансье.

— Сейчас выступит Малика Каландарова в индийском танце,— объявила она и добавила: — Великолепная Малика!

И Малика действительно была великолепна в индийском, узбекском, арабском и во всех последующих танцах. Потом Халима объявила песню.

— Исполняет Халима Иркаева,— сказала она, и мы услышали Халиму-певицу...

Песни и танцы сменяли друг друга, гремели дойры, звонкой трелью сыпал чанг, захватывающе пел Фарух Бако-заде, за русским танцем вылетели на сцену туркменские конники, а потом все мы затаили дыхание: в полутьме, в чередовании зеленого и красного света Шарафат заколдовала нас, зачаровала непостижимой пластичностью экзотического танца змеи.

Больше двух часов шел концерт—без антракта и без пауз между номерами, «Лола́» сверкала всеми своими дарованиями, и когда кончился концерт, никто не хотел уходить. Мой загорелый сосед, агроном, поблагодарил Нину Тимуровну и сказал мне по-русски:

— Они приезжают к нам во время сева и уборки, значит, понимают, что мы не можем в эти дни поехать в город, а искусство нужно людям всегда...

Когда мы усаживались в автобус, Нина Тимуровна шепнула:

— Сейчас начнется вольная программа, для себя.

И верно: едва мы выехали за кишлак, как начался прекрасный дорожный концерт, в котором не повторился ни один из оби-киикских номеров.

До свидания, «Лола́»! Хорошо бы — до встречи... Я рада, что пришло время твоего расцвета.

Соло Малики Каландаровой.

Высоко над Душанбе, в горах, есть концертная площадка. Это танец с тарелками...

Секрет красоты.

Урок ведет Гафар Рустамович Валамат-заде.

Концерт окончен. Теперь — просто подружки.

НА УКРАИНЕ

Максим ТАНК

На Украине, где Днепро
У кручи пенится струисто,
Гудят вечернею порой
Дубы — седые бандуристы.

На скрученных во мгле годин
Стволах — царапины и раны
От стрел, мечей, весенних льдин,
От пуль, гранат и молний рваных.

Им есть что вспомнить, есть о чем
Пропеть с волной днепровской песню
Кострам, что искрятся огнем,
Стогам, дремучему подлесью,

И нам, бродягам-рыбакам,
Что ловим звезды в сеток пасмы,
Под парусом молодика
Домой плывущим в Конча-Заспу.

Гудят дубы по-над Днепром,
Поют красу зеленых весен.
Мы тихо мимо них плывем,
Не шевеля крылами весел.

А воробьиной ночи след
Уходит по реке далеко,
И снова плещется рассвет,
Как будто красноперый окунь.

* * *

Мне трудно сказать, что прекрасная ты,
Пока не прошла сквозь дожди и ветра,
Сквозь все испытанья военной бедой,
Прощанья на станции прифронтовой,

Сквозь все ожиданья с утра до утра,—
Мне трудно сказать, что прекрасная ты.

* * *

Тихо-тихо на рассвете
Сад твой дремлет, тихо-тихо.

Только-только прикоснешься
К спящим веткам, только-только —

Листья, листья залопочут,
Забормочут листья, листья;

Росы, росы перезвоном
Отзовутся, росы, росы;

Звезды, звезды в бубны окон
Гулко стукнут... звезды, звезды.

— Кто там, кто там? — чутко спросит
Мать с постели. — Кто там, кто там? —

Верно, верно — для свиданья
Ждать должны мы... верно, верно,

Грома, грома, блеска молний,
Шума сада, грома, грома.

Перевел с белорусского Б. Кежун.

ВАШИ ЗАБОТЫ ОБ УЛЫБКАХ

И ВСЕ СВЕРХ ПЛАНА...

— Новосел нынче пошел требовательный, сразу въезжать не торопится — то окна не на южную сторону, то обои не нравятся, то балкон маловат, что делать?.. — И Владимир Колчин, старший прораб одного из участков двадцатого треста «Главленинградстроя», развел руками. — Тут у нас недавно был такой случай. В разгар работы комиссии, которая принимала от нас дом за домом, квартиру за квартирой, на участок пришла женщина. Представилась: «Я будущая квартиросъемщица. Многосемейная... Покажите мне четырехкомнатную квартиру». «Да вы что, шутите? — говорим мы ей.— Дом еще не сдали, комиссия продолжает работать». «А я,— говорит она,— комиссии не помешаю!» Переглянулись мы и решили уважить ее просьбу: нам тоже интересно услышать из уст первого новосела, хорош ли наш первомайский подарок.

Поднялись мы на второй этаж, потом еще выше — на пятый, наконец, на последний — девятый. Наша гостья дух перевела, заулыбалась: «Коридор-то какой просторный, шкафчиков много, а кухня такого размера, будто столовая». Смотрит и восторгается. И нам, конечно, приятно. Спрашиваем ее: «Вы будете жить в нашем корпусе?». «Да, в первом «А». «А ведь наш корпус просто первый. С буквой «А» — это на улице партизана Германа. Но планировка квартир и там такая же».

В это время появился Федор Иванович Тарас, прораб...

— Все, братва, у меня приняли! Акт подписан, оценка «хорошо».

Тут и первый новосел радуется и мы, строители.

К Первомаю сдали мы сверх плана стоквартирный дом на улице Третьей пятилетки. Теперь можно сказать, что в праздники по меньшей мере будет сто сверхплановых улыбок — коллективно-семейных, если можно так выразиться. Сто улыбок, и все сверх плана...

К. ПЕТРОВ

Ленинград.

43100+1180

— Если формально, то эти граждане меня, председателя горисполкома, не беспокоят. Они не приходят ко мне на прием, не пишут заявлений, не требуют отчетов... Но формально к ним подходить нельзя. Особенно в молодом городе. Фактически же я думаю о них беспрерывно. Думаю и об их улыбках. Мне хочется, чтобы они улыбались каждый день, а в майские дни особенно широко и беззаботно, потому что это очень важные и требовательные люди. От них зависит будущее...

В Первомай мне хотелось бы пойти с ними по нашему молодому городу и показать им все хорошее начиная с первых застроек. Рассказать, что мы делаем и сделаем для них. Парк, который мы заложим в мае около Солигорского озера,— для них; стадион, который откроем в праздники,— тоже для них. Для них построим Дворец пионеров, детские библиотеки, кинотеатры, технические станции и станции юннатов. Для них построим новые дома, в которых будет очень много солнца. Для них проложим нарядные улицы, разобьем красивые скверы...

Увы, такая прогулка по городу этой весной не состоится. И не по моей вине. Дело в том, что эти 1 180 граждан появились на свет только в прошлом году и не могут еще откликнуться на предложение председателя горисполкома. Только с одним из них я совершу такую экскурсию. Зарегистрирован он 555-м гражданином Солигорска рождения 1971 года. Это мой сын.

А что касается остальных, мы пошлем им всем 43 100 улыбок от граждан Солигорска и надеемся, что 1 180 улыбок получим в ответ. Даже только ради этого стоит думать о празднике и ждать его.

Первомайский монолог председателя Солигорского горисполкома И. А. Кулевского записал А. ЩЕРБАКОВ, собкор «Огонька».

Солигорск.

ПОВЕСТЬ О ПОВАРИХЕ ЗАГИДАТ, БРИГАДИРЕ ЗУБАИРЕ ДА О СТАРОМ ПАСТУХЕ ДАЛГАТЕ

Муса МАГОМЕДОВ

Рисунки В. ЮДИНА.

А Зубаир, что же... Он ушел.

Потекла жизнь дальше своим чередом — великая и неистребимая, с бедами и трагедиями, с радостью и вечным цветением своим.

Нелегко жилось Загидат в первые годы после болезни, трудно привыкала она к новому облику, к новому положению. Одни жалели ее, другие глубокомысленно покачивали головами и изрекали: «Аллах справедлив, он наказал ее за беспутную прежнюю жизнь... Виданное ли дело, чтобы девчонка в табуне парней по горам, как козел, скакала? Мы предупреждали...»

Обиднее всего было ей, когда ровесницы-подружки при встречах высказывали сочувствие, а за глаза — не раз доходили об этом слухи до Загидат — похохатывали: «Образина все-таки эта Загидат. Если бросить горсть зерна ей в лицо, одно зерно упадет, остальные застрянут в дырках».

Загидат научилась не обижаться на них. Али, ее славный и благородный брат, человек самой красивой души на свете, еле сдерживаясь от таких насмешек в адрес Загидат, говорил сестре:

— Пусть болтают... Так они, от глупости. Не надо обижаться. Если мы обозлимся на всех — жизнь наша вовсе беспросветной станет. Надо беречь сердце от злобы и выращивать в нем любовь к людям. В этом наше спасение.

Загидат и сама чувствовала то же самое.

Много раз она встречала, конечно, Зубаира на улицах небольшого Араха, или в клубе, или в школе. Он издали смотрел на нее всегда тепло и ласково, не было в его глазах того смятения и ужаса, которые плеснулись там, на берегу, когда он впервые увидал ее после болезни. Загидат чувствовала: скажи она ему хоть слово — он пойдет за ней куда угодно.

Но она не говорила.

Окончив школу, Зубаир уехал куда-то из Араха. Поговаривали, что уехал для того, чтобы не жениться на Джавгарат, разладилось, мол, что-то у них. Но перед самым уходом на фронт, кажется, году в сорок втором, вернулся в село и через неделю сыграл с Джавгарат свадьбу. Было тогда ему двадцать лет, и ей, Загидат, столько же. Известие об этой свадьбе породило у нее смешанное чувство страдания, жалости и радости.

А вскоре пришлось ей убедиться в жестокой справедливости народной пословицы: «Старое горе не кажется горьким, когда придет новое горе». Зимой 1942 года, через несколько недель после свадьбы Зубаира и Джавгарат, пришло извещение, что на фронте смертью храбрых погиб ее брат Али.

Как бы там ни было, Загидат привыкла к некрасивому своему лицу, к неласковой своей судьбе. И люди привыкли к новому облику Загидат, жизнь как-то устоялась. И вот теперь это страшное известие помутило перед ней белый свет... «Али, родной мой! Я все плакала о своей былой красоте, из-за испорченного лица считала пропащей свою жизнь, а вот тебя совсем нет на земле, не увижу больше никогда твоих мудрых глаз, не услышу твоего теплого голоса...» — казнила день и ночь себя Загидат.

Работая вместе с дядей Магомедом в госпитале, Загидат не только помогала ему готовить пищу, но была еще и сестрой, и сиделкой, и нянечкой для тяжелораненых фронтовиков. И кто знает, кому это больше принесло пользы — раненым или ей самой.

Проводя ночи без сна у постелей раненых, она беспрерывно думала: а как там Зубаир? Где он, что с ним? Пусть аллах убережет его от пули, и от снаряда, и от холода, и от голода...

Аллах уберег, Зубаир вернулся в Арах в погонах старшины, с костылем в руке. «Велик все-таки аллах, услышал мои молитвы»,— облегченно вздохнула Загидат.

И опять потекла жизнь, простая и великая...

Весной на оголенных лугах снова вырастает трава. Время успокаивает боль в выжженном бедой сердце.

Не было у Загидат больше заботливого брата Али, но осталась благодарная память о нем. Еще раньше не стало для Загидат Зубаира, но его имя она вечно носила с собой.

Когда она работала с дядей Магомедом, постигая его сложное и капризное мастерство, тот частенько говорил ей: «Конечно, Загидат, жестоко обошлась с тобой судьба. Но и унывать всю жизнь — какой толк? Судьбу этим не облегчишь. Надо попытаться все же поймать за хвост птицу счастья... У тебя есть два больших богатства — ты молода и у тебя славная душа. Конечно, мужчин сейчас мало, война покосила много мужского рода, как коса выпахивает цветущий луг. И все-таки найдется, может быть, кто-то... Вот я заметил: тот аварец, без ноги, что у крайнего окна лежит... А, Загидат? Он очень ласково смотрит на тебя. А нога, что же? Это горе будет, если встретится тебе человек, у которого целы обе ноги, но который будет видеть только стены твоего дома, а не то, что в самом доме... Да, дочка, жизнь требует, чтобы на одной подушке всегда были две головы. Одинокое дерево в поле и ветер качает, град сечет, даже ребятишки камнями забрасывают...»

Добрый дядя Магомед, он хотел счастья ей и пытался как-то способствовать этому. Но Загидат не нужны были ласковые взгляды и теплые слова одноногого аварца, лежащего на госпитальной койке у крайнего окна. Раз не суждено ей было положить свою голову на одну подушку рядом с головой Зубаира — никого ей не надо.

Душа ее будто захлопнулась, наглухо закрылась для всего этого бурлящего человеческими страстями мира.

Так и жила она долгие годы и даже считала, что по-своему счастлива, отгороженная незримой стеной от беспокойного и нередко призрачного счастья семейной жизни.

И вот пять лет тому назад, когда Зубаир похоронил свою жену, соседка Хадижат всего двумя-тремя фразами приоткрыла в ее душе небольшую щелочку. Что она сказала? Да вроде ничего особенного: «Загидат, я знаю, что было между вами когда-то... Не теряй теперь времени, бери в свои руки Зубаира... Прошло время, оно и его красоту да стать не пощадило...» Но хлынуло в эту щелочку что-то весенним бурливым потоком, захлестнуло, затопило все существо Загидат. И поняла она: душа-то ее давным-давно захлопнулась для всяких радостей, но там, внутри, остался образ Зубаира. Никто не знал об этом, и сама она себя убеждала в обратном и порой уверена была, что нет в ее душе Зубаира...

Но так себя уверяют, наверно, зимой сухие камни, лежащие в пустом русле речки — никогда, мол, не омоет нас больше стремительный водяной поток... И никогда, мол, не спустится на берег с горной кручи осторожный и прекрасный в своем величии тур — нечем ему здесь утолить жажду...

Но приходит весна...

Ничего, ничего не было еще между Зубаиром и ею, Загидат. Но ей почему-то казалось, что та птица счастья, о которой говорил покойный дядя Магомед, уже летит впереди нее. Иногда она парила высоко в синем небе, и Загидат с ужасом думала, что ей все-таки не дотянуться до нее никогда. А порой, как сегодня, например, она появилась прямо перед ней, и вот теперь стоит сделать только какой-то решительный шаг, протянуть руку...

Послышался всплеск воды, что-то упало в воду. Загидат вздрогнула, торопливо раскатала шаровары, закрыв ноги до самых щиколоток.

5

Майсарат, юная и беззаботная Майсарат, стояла на зеленой траве, возле мелких прибрежных кустарников и смеялась. В руке у нее была яркая косынка. «Роза выделяется в море цветов, Майсарат любой парень отличит, хотя бы и в тысяче девушек»,— подумала Загидат, а вслух сказала.

— Ох, напугала... Что ты тут делаешь?

— Искупаться пришла, Загидат-ада. В ауле задохнуться можно, такая жара...

«Вай, чтоб у тебя не сгорел дом, как ты в самом деле красива,— опять подумала За-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 16,17.

гидат.— Даже голос аллах тебе дал чистый, словно горное небо, и звучный, как песня утренней птицы».

Она подумала так с тихой грустью, что-то далекое-далекое на мгновение возникло у нее перед глазами, как в тумане. «В ее годы я уже была безобразной, а сердце мое было изъедено горем»,— промелькнуло у нее. Но это была не зависть и даже не сожаление, что вот такой радости бытия, какую переживает сейчас Майсарат, ей, Загидат, испытать не довелось. Это было чувство тихой благодарности к жизни, которая рождает подобную красоту. Она подумала, кому бы из арахских парней подошла эта славная девушка, кто был бы достоин ее. И тотчас решила: агроном Махсут... «Была бы я на месте агронома — не прозевала бы. Неужели его глаза не заметят этой красоты?..»

— Ох, дочь моя, золотце,— сказала Загидат со вздохом.— Разве пристало девушке среди бела дня купаться в речке? Разве можно камням и воде показывать тело, которое еще не обнял жених?

Майсарат заливисто расхохоталась:

— Боже мой! О чем вы говорите, Загидат-ада! Повсюду в домах радиоприемники и телевизоры, у вас в квартире холодильник давно стоит. А взгляды на жизнь, я вот вижу, у многих прежние остались. Вы были в Махачкале когда-нибудь?

— Нет, не довелось.

— Там на берегу моря с весны до осени девушки вместе с ребятами купаются. И ничего страшного не происходит.

Говоря это, Майсарат быстро расстегнула пуговицы на платье и сбросила его, оставшись в одном купальнике.

— Вуя! Ты с ума сошла!— прокричала Загидат, стремительно, как молодая, вскочила и, стоя на валуне, глянула по сторонам: нет ли кого поблизости?

Майсарат меж тем вошла в воду и окунулась.

— Ой, какая прохладная водичка! Загидат-ада, идите купаться!

— Что ты?! При светлом солнце?! Пусть бы платье на мне горело, я не могла бы его скинуть... Не могу.

— Ой, какая вы...— Майсарат громко смеялась, барахталась в воде.— Чего вы боитесь?

— Нельзя нарушать древние обычаи...

— Хе, обычаи... Старые обычаи не разрешали женщинам показывать мужчинам лицо... Из-за этого наши матери никогда солнца не видели. Давно прошли те времена.

— Времена ушли, а люди остались, Майсарат.— Загидат помолчала и снова села на валун. И, разглаживая платье на коленях, проговорила:— Конечно, Майсарат, ты права. Еще остались многие плохие, а лучше сказать — ненужные обычаи. Я, знаешь, в детстве и юности тоже... тоже не очень-то соблюдала... или, опять же лучше сказать, не подчинялась разным таким обычаям... Но чтобы вот так, как ты, показать хоть кусочек своего тела... В селе у нас говорят: битый орех любая птичка склюет... Вай, что ты делаешь! Пусти, чтоб сердце твое высохло, пусти же меня!

Майсарат, подплыв к Загидат, схватила ее за руку и тащила с хохотом в воду.

— Вай, вай!— еще раз вскрикнула Загидат и оказалась по горло в воде.— Что ты со мною сделала, проклятая девчонка! Пропала я, если увидит какой мужчина. От насмешек покоя не будет.

— Купайтесь, купайтесь!—Майсарат начала пригоршнями брызгать ей в лицо воду.— Пусть вас видят все мужчины! Что вы, калека, что ли? Выходите на берег, разденьтесь — и опять в воду. Не пойдете же вы в село в мокром платье. Пусть подсохнет на горячих камнях.

— Ах ты негодница!— проворчала Загидат.— Что ты со мною сделала!

Она опять огляделась по сторонам. Потом, чуть помедлив, с притворной злостью прикрикнула:

— Ну что ты смотришь на меня? Погляди лучше, нет ли на берегу чьего-либо глаза.

Присев между камнями, Загидат стянула с себя мокрое платье и шаровары, раскинула одежду на горячих валунах и быстро юркнула в воду.

— Ух! Так совсем другое дело!

— Какая вы беленькая, Загидат-ада.

— Замолчи!

— Мы теперь вот так каждый день купаться с вами будем.

— Что ты! Что ты!

...Потом, стоя в кустарнике, Загидат, прежде чем одеться, осмотрела себя с ног до груди. Что ж, телом она все еще стройна, как девушка, ноги крепкие, красивые, груди тяжелые. От промелькнувшей мысли, что никогда никто не дотрагивался до них, что ни разу не ласкал их губами ребенок, стало вдруг обидно, ну до того обидно, что в одну секунду выступили слезы. Но она, боясь, что заметит Майсарат, стерла их ладонями, улыбнулась мокрыми еще глазами солнцу, как жениху.

Она натянула не совсем просохшее платье, завязала голову платком и присела у ног Майсарат. Та еще не одевалась и, стоя на берегу, запрокинув голову, подставляла солнцу пока плохо загоревшую шею.

— Дома я купаюсь, закрыв дверь на ключ,— проговорила Загидат.— А сегодня... будто тяжкий грех совершила. А хорошо...

— Конечно,— сказала девушка.— А еще лучше будет, если какой-нибудь мужчина увидит вас в речке да и потеряет покой.

— Что твой язык болтает опять такое?!

— А что? Телу вашему не одна девушка позавидует. Но если его никто не увидит... Вот живет рядом, работаете, может, вы вместе, а он не видит...

— Бесстыдница! Я сказала — помолчи!— воскликнула Загидат, а сама подумала с тревогой: «На что это она намекает? С кем вместе работает? О, аллах, неужели все заметили, что она... что Зубаир ей... Неужели уже молва пошла? И так далеко пошла, что достигла даже ушей этой городской девчонки... Как же тогда быть, куда ей деться?..»

И Загидат, чувствуя, как загораются щеки, со страхом взглянула на Майсарат. Но та все так же стояла неподвижно, задрав лицо к солнцу и закрыв глаза. И у Загидат отлегло от сердца.

Славная, чистая Загидат! Она даже мысли не допускала, что все, что происходит с ней, кому-то известно еще, кроме нее самой. Так, наверное, цветок, распускаясь где-нибудь в густой траве или в далеком глухом ущелье, напрасно думает, что его никогда не увидят люди...

А успокоившись таким образом, Загидат, подчиняясь нахлынувшему вдруг желанию поговорить с этой молодой девушкой о самом сокровенном, о чем она никогда и ни за что на свете не стала, не отважилась, не посмела бы говорить ни с кем другим, сказала:

— Ох, Майсарат... Тело действительно никто никогда не увидит, оно всегда под платьем укрыто. А вот лицо... Не тело, а лицо должно быть красивым...

Майсарат наконец перестала задирать лицо к солнцу, сверху вниз поглядела на Загидат и, будто сердясь и удивляясь на слова Загидат, проговорила:

— Это еще что такое?! Да разве лицо у вас некрасивое? Это чего вы такое выдумали, Загидат-ада? Глаза у вас... Боже мой, да в них же утонуть можно! Мне бы такие глаза!

— Глаза — что... Оспа вот... навек следы оставила.

— Какие там еще следы? Их почти и не видно. Так, чуть-чуть. Да и полечить можно.

— Ой! Я бы ничего... никаких денег не пожалела за такое лекарство.

— Какие там деньги... Копейки. Я выпишу вам рецепт, пойдете и возьмете в аптеке. Правда, следы оспы окончательно оно не выводит, но растягивает кожу, придает ей блеск. Да вы и без лекарства...

Майсарат встала на колени перед Загидат, положила руки ей на плечи.

— Ваше лицо, Загидат-ада, не испорчено ни пудрой, ни белилами. Боже мой, да если б я была мужчиной...

— Ну ладно, ладно... Нечего утешать меня... Пойдем, что ли, одевайся.

Они шли в село и думали каждая о своем. Загидат: «Неужели и в самом деле следы страшной болезни не так заметны теперь? Может, я действительно слишком... слишком преувеличиваю свое уродство?» Майсарат: «Удалось ли мне, как полчаса назад просил этот... этот агроном Махсут, убедить тетю Загидат, что она не так уж некрасива? Надо, говорит, чтоб тетя Загидат была посмелее, чтобы заглянуло счастье в ее дом. А мы, говорит, должны с вами помочь ей в этом. А как помочь — потом, говорит, расскажу. Он, Махсут этот, ничего. Вежливый и вообще... симпатичный».

— Вот живет молва в народе — у арабов был когда-то давным-давно доктор Имраул Кайси,— прервала молчание Загидат.— И будто каждый цветок, каждая травка говорили с ним, свои целебные свойства раскрывали ему. Я, мол, лекарство от такой-то болезни... Может, есть лекарство и от следов оспы? А, Майсарат? Ведь люди, пишут в газетах, вот-вот на луну полетят... Неужели ученые люди, доктора умные, не могут открыть такое лекарство, чтоб совсем излечивало?

— Откроют, Загидат-ада. Ученые ищут. И найдут. И от следов оспы, и от рака, и от всех других болезней,— ответила девушка.

— Ну, помоги им, аллах. А пока ты мне, дочка, выпиши то лекарство, которое есть...

6

Остаток дня Загидат провела в хлопотах. Она тщательно прибрала весь дом, протерла окна. Потом замесила тесто, начала печь лепешки с сыром, вымыла овощи и сделала салат, положила его в глубокую чашку, поставила в прохладное место и накрыла газетой.

Когда солнце опустилось за горной вершиной Чара-Меэр и на аул Арах упала прохлада, Загидат умылась, надела другое платье и долго заплетала косы. После страшной болезни волосы ее стали еще гуще. Но она не радовалась им, часто подрезала. И только недавно стала жалеть, что подрезала, ведь сейчас косы ее были бы до самой земли.

— Майсарат, ты, кажется, в кино собиралась,— проговорила она, приоткрыв дверь в другую комнату.— Не опоздаешь?

— Ой, и верно,— воскликнула девушка, глянув на часы, отложила книгу, встала с диванчика, подбежала к зеркалу.

Через несколько минут, оглядев с порога принарядившуюся Загидат, она улыбнулась, кажется, даже кивнула одобрительно и убежала.

«Чего это она?— смущенно подумала Загидат.— Разве нельзя мне хоть немного прибрать себя?»

Загидат и себе не признавалась, что ждет Зубаира.

Потом она сидела у окна и думала примерно следующее: «Конечно, она, Загидат, никого не ждет, а лепешки приготовила на ужин себе и Майсарат. Зубаир, правда, обещался зайти, да, скорее всего, не придет. Настроение у него часто меняется, как весенняя погода. Ну что ж, не придет и не надо».

И неожиданно увидала шагающего по двору Зубаира.

Боже мой, что произошло с Загидат! Она вздрогнула, точно ее прошило электрическим током, и смертельно побледнела. А через секунду в лицо ударила ей горячая кровь, она вспыхнула вся огнем. Затем сорвалась с места, заметалась по комнате, сбила половики. Торопливо нагнувшись, поправила их дрожащими руками, схватила зачем-то тряпку и лихорадочно начала протирать и без того чистое оконное стекло. В голове ее гудело и билось два вопроса: «Что же делать? Что же будет?»

И наконец, чувствуя, что Зубаир вот-вот откроет дверь, шагнула на середину комнаты и замерла столбом.

Зубаир вошел, нагнувшись в дверях. Загидат была ни жива ни мертва.

— Здравствуй, Загидат,— проговорил он, будто не видел ее сегодня.

— Здравствуй. Проходи, пожалуйста...

Своего голоса она не узнала — он был хриплым, старушечьим каким-то, и с ужасом подумала: «Пропало все... совсем все пропало! Он повернется сейчас и уйдет».

Однако Зубаир не уходил. Он обвел глазами комнату и проговорил:

— Иях, как хорошо у тебя! Да... Если есть в доме женщина — тепло и уют, говорят, сами приходят.

— Не говори так, Зубаир. Нет ничего холоднее и сиротливее, чем дом без мужчины,— промолвила Загидат и ужаснулась своих слов: «Вай, что болтает мой язык?! Что болтает? Что же теперь будет?»

Не помня себя, не соображая, что делает, она схватила стул, бросила на него маленькую пуховую подушечку.

— Садись, пожалуйста.

Он сел, и надолго в комнате установилось молчание. Он поднял глаза на Загидат и опустил их, начал что-то рассматривать на полу. У Загидат по коже пошел мороз: «Вот, конечно... вырядилась, думает он, дура рябая».

Но, как ни странно, именно эта мысль начала ее успокаивать. «Да что я... может быть, я и в самом деле не такая уж безобразная... Ведь говорила мне Майсарат...»

Она смелее подняла глаза на Зубаира. Тот был в папахе из коричневого каракуля, в белой, правда, неотглаженной рубашке, при черном галстуке. На отвороте пиджака блестели три медали, которые он принес с фронта. И еще вместо всегдашних растоптанных сапог на нем были новенькие туфли. А модные узкие брюки и вовсе доконали бедную Загидат, в голове ее пламенем гудело: «О аллах! Да неужели все это для меня... ради меня он так оделся?!»

Эта мысль заслонила все на свете, мешала ей как-то по-другому оценивать и слова и поведение Зубаира. Она опять сорвалась с места, схватила маленький низкий столик, поставила перед бригадиром. Через мгновение на этом столе оказались и салат, и лепешки, и урбенч, и даже бутылка водки. Загидат все делала машинально, она не соображала даже, что делает, но где-то краешком сознания понимала, что делает все правильно.

— Поешь, Зубаир,— проговорила она.— Извини, что не ахти какое угощение.

Зубаир взял кусочек прозрачной, как стекло, лепешки, обмакнул в урбенч и начал есть. Налил водки, выпил, закусил салатом.

— А где же доктор?— спросил он, отрывая еще кусок лепешки.

— В кино убежала. Разве усидится ей дома...

— А-а,— протянул Зубаир.— А ты сказала ей о моей головной боли?

— А как же...

— И что она?

— Говорит, у каждой болезни есть причина. Устранишь ее — и боль пройдет.

— Вах!— воскликнул Зубаир.— Видишь, как она умна! А наши сельские доктора советуют быть мне больше на воздухе. Разве я не сыт им с утра до вечера?

Зубаир выпил еще одну рюмку и продолжал:

— Еще мне наши доктора советуют побольше спать. Хе-хе, я бы спал. Да в том и беда, что сон покинул меня. В доме, где нет хозяйки, сон одинокому хозяину не желанный гость, а случайный знакомый. Жаль, что нет Майсарат... Она тебе... обо мне ничего не говорила?

И эта фраза никак не насторожила Загидат, не пролила света на истинную причину появления в ее доме Зубаира.

— Говорила... Вежливый, говорит, человек ваш бригадир. Я, говорит, из клуба шла, а он в темном месте дорогу фонариком осветил.

— Иях! И все?

— Ну да, что же еще? А то, говорит, упасть бы я могла...

Зубаир достал папиросу из дорогой и красивой пачки, закурил. Некоторое время он сидел молча, глядя в пол.

— Ну, ладно, Загидат... Спасибо за угощение. Пойду я, поздно уже.

— Не очень, кажется, еще... Посиди немного...

— Да нет...— Зубаир усмехнулся.— Пойду на свидание со своим одиночеством. Когда померла Джавгарат — пусть аллах милостив будет к ней на небе,— я думал, больше ни на одну женщину не посмотрю. Но... одинокому и ночь длинна и наступающий день без радости. Да ты сама об этом знаешь. И вот решил я... в общем, хочу я с одиночеством расстаться... Да и тебе пора бы, Загидат, распроститься с ним... Трудно так жить... бесприютно, как я живу, как ты... И ты должна мне в этом помочь...

— Валлах!— обомлела Загидат.— Я, Зубаир, не знаю... Я...

— Валлах-маллах ни к чему, Загидат... Надо судьбе покориться... Да-а, как-то отодвинулись мы от мирских радостей. А без радости человек быстро стареет. Телевизор, что ли, ты бы купила. Все-таки развлечение. Ну, прощай. Передай салам Майсарат... Обязательно передай...

Покачиваясь, Зубаир поднялся, и Загидат не осмелилась больше его задерживать. Когда за бригадиром захлопнулась дверь, Загидат прижала руки к груди, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. «Вай, аллах великий, вроде остался у тебя в запасе кусочек счастья и ты решил подарить его мне... Кажется, решился Зубаир. Хочу с одиночеством расстаться, говорит... И ты должна мне в этом помочь, говорит...»

В окно смотрели ранние звезды, лаяла где-то на краю аула собака, слышался неподалеку девичий смех. Звуки обычной сельской жизни, протекающей за окном, будто впервые прорвались в дом Загидат через открытую форточку и заполнили его до краев.

Загидат быстренько прибрала со столика, поставила в шкаф недопитую бутылку водки. «Телевизор... Боже мой, завтра воскресенье, поеду в район и куплю самый лучший телевизор, Зубаир. Два куплю, десять куплю — сиди и смотри...»

Думая так, Загидат подошла к тяжелому резному сундуку, сняла коврик, которым он был накрыт, и подняла крышку. Сундук принадлежал еще матери. Когда родилась Загидат, мать потихоньку начала собирать ей приданое, все необходимое для свадьбы. Вот два праздничных хабало... Эти платья мать сшила, примеряя на себя, когда Загидат была совсем маленькой. Вот кашемировый платок с бахромой, который отец купил в подарок матери, а мать отложила его для Загидат. Вот юбка из дорогого шелка... Вот два табасаранских коврика с красивой расцветкой...

Бабушка, которую Загидат помнит очень хорошо, не раз говорила матери: «Дочь твоя еще в пеленках, еще успеешь собрать ей приданое, носила бы все это пока сама». А мать отвечала: «Не знаешь ведь, что в этой жизни может случиться. Я не хочу, чтобы у моей Загидат свадебные наряды были хуже, чем у других. А мне чего уж наряжаться...»

В сундуке было все необходимое для свадьбы, даже носовые платки, которые следовало подарить по обычаю друзьям жениха. Не явился только жених к Загидат, не случилось свадьбы. И все эти вещи, пропахшие нафталином, пролежали в темном сундуке не один десяток лет.

Хозяйки тех домов, в которых подрастали невесты, время от времени вывешивали на балконах приданое своих дочерей для проветривания. Но не только для этой цели. Каждая мать старалась показать — вот, мол, смотрите люди, сколько приданого у моей дочери. И люди смотрели, люди все знали, древние старушки по пальцам пересчитывали платья, юбки, подушки каждой невесты и или одобрительно говорили о ее родителях, или осуждающе качали головами: скупятся отец с матерью такой-то девушки, никудышная невеста и плохая будет, значит, жена. И приговоры эти имели немаловажное значение.

Загидат свое приданое проветривала редко, и только ночами. Она боялась людских насмешек — смотрите, мол, и у Загидат есть приданое, и она замуж собирается. А она и не собиралась, не мечтала об этом до самого последнего времени. И вот теперь, вот сегодня Зубаир сказал: «Надо судьбе покориться...»

Робкое сердце Загидат сладко постанывало. И вы не осуждайте ее, люди. И не смейтесь над тем, что она роется сейчас в своем сундуке, как девочка. Сердце ее еще действительно неопытно, как у девочки, исстрадалось оно по самому обыкновенному человеческому теплу. Вы порадуйтесь, что в душе у нее сейчас звенят песни, как радуюсь этому я...

Загидат вынула из сундука большой темный платок с красными цветами, предназначенный для матери жениха, и задумалась: кому же его подарить? Ведь у Зубаира давно нет ни матери, ни сестры... Но тут в комнату вихрем ворвалась Майсарат.

— Ой, какой был веселый фильм! Умора! — воскликнула она и внезапно смолкла, уставившись на раскрытый сундук. — Это что такое?

Загидат, смутившись, что застала ее Майсарат за таким занятием, хотела захлопнуть сундук, но девушка придержала крышку и потащила из рук Загидат хабало:

— Я примерю. Разрешите, Загидат-ада.

Надев платье, Майсарат, позванивая серебряными монетами, которыми были обшиты рукава и подол, остановилась перед зеркалом. Юное лицо ее стало серьезным, даже как будто торжественным.

— Красива была свадебная одежда у наших матерей,— тихо сказала она.

— Да, красива,— ответила Загидат.— В горных селениях и сейчас многие матери своим дочерям такие шьют. Ох, Майсарат, ты не видела, однако, ни одной горской свадьбы? Когда бьет барабан, когда поет зурна, когда и невеста, и все девушки, все женщины вот в таких одеждах? Это... это не расскажешь никакими словами... Не видела?

— Нет,— вздохнула Майсарат.

— Да, вы там, в городе... Прежних обычаев для вас уже не существует, замуж выходите, будто к соседям в гости заглядываете.

— Не сердитесь, Загидат-ада... Я к своей свадьбе сошью такое же.

— Не сошьешь.

— А вот и сошью! Ну да ладно, что мы об этом... А ну-ка, Загидат-ада, надевайте другое платье на себя.

— Да ты что? Смеху-то будет, если увидит кто...— Загидат отошла от сундука.

— Надевайте, надевайте!— подскочила к ней Майсарат. И, не дав опомниться, накинула на слабо сопротивлявшуюся Загидат зазвеневшее монетами хабало, повязала платок, подвела к зеркалу:— Глядите! Ну глядите, Загидат-ада! Чем же вы не невеста? Чем хуже других?

Загидат глянула в зеркало. На нее из деревянной рамки, разрисованной цветами, смотрела незнакомая будто, миловидная женщина.

— Да ну тебя, выдумщица!— проговорила Загидат и отошла от зеркала, хотя ей еще хотелось поглядеть на себя в этой одежде. Снимая платье, она с грустью думала, что даже если и настанет день ее свадьбы с Зубаиром, это девичье платье надевать ей уже нельзя, постарела она уже для него...

...А ночью ей приснился сон. Все село пришло на ее свадьбу. И поют на ее с Зубаиром свадьбе самые прославленные певцы Дагестана, танцуют самые лучшие горские танцоры. Но ей будто нет дела ни до певцов, ни до танцоров, она сквозь прозрачную фату смотрит только на Зубаира, видит только его. На Зубаире знакомая папаха из коричневого каракуля, зеленая шерстяная гимнастерка, на груди поблескивают медали. Он сидит между агрономом Махсутом и старым Далгатом, что-то рассказывает им. Вдруг тощая и костлявая женщина по имени Китилай, что живет на соседней улице, наклонилась к Зубаиру и говорит: «Зачем тебе рябая Загидат? И приданое у нее так же изъедено, как ее лицо. Возьми в жены лучше мою солнцеподобную дочь». А Зубаир встал вдруг и заговорил: «Что говорит эта злая женщина, почему она охаивает мою невесту? Я сейчас докажу, что нет в Арахе невесты красивей моей Загидат...»

Смолкли звуки зурны, утих барабан, замолчали люди. А Зубаир подошел к ней, Загидат, и опять заговорил: «По обычаю фату невесты должен приподнять дед, отец или дядя жениха. Нет у меня родственников, все умерли. Поэтому пусть простят меня старейшины моего рода, что я вынужден сам показать гостям лицо моей невесты и брошу на ее колени, как положено, сторублевую бумажку. Смотрите!»

И откинул с Загидат фату.

Какие-то секунды вокруг стояла мертвая тишина. Все гости будто окаменели. И вдруг обвалом посыпалось со всех сторон:

«Иях! Смотрите, смотрите!»

«Какое чудо!»

«Лицо Загидат, как солнце, светится».

«Кто говорил, что она рябая?»

Загидат быстро прижала обе ладони к своим щекам. «О аллах! Никаких следов проклятой оспы, кожа на лице гладкая и нежная, как в детстве, до болезни!»

Зазвучала, запела зурна, раздался звук барабана. Увидев, как прекрасна Загидат, раскрыла злой рот Китилай и лишилась дара слова. А Загидат встала и пошла танцевать с Зубаиром. Градом посыпались на них с женихом серебряные монеты, кругом все начали повторять ее имя: Загидат, Загидат...

— Загидат... Да проснитесь же, Загидат-ада!

Майсарат, стоя над кроватью, тормошила ее. В окно были видны освещенные солнцем вершины Чара-Меэр. На улице сигналила автомашина.

— Что такое, Майсарат?

— Вы вчера перед сном сказали, что хотите в район съездить. Туда идет колхозная машина за углем, я попросила шофера вас довезти...

Продолжение следует.

Перевел с аварского Анатолий Иванов.

ВАШИ ЗАБОТЫ ОБ УЛЫБКАХ

МНЕНИЕ ИЛЛАРА КАННЕЛЬМЯЭ

Сначала Иллар Каннельмяэ категорически не хотел улыбаться.

— Если я буду сейчас чрезмерно веселым,— сказал он,— боюсь, впоследствии ни один таллинец и ни один наш гость не улыбнется. Я ведь работаю главным художником меньше года, сделать хочется все сразу, забот много, и мне не до улыбок. Во-первых, садовники начали сажать сибирские кедры на бульваре Гагарина и на основных улицах в Мустамяэ, и я не собираюсь улыбаться раньше, чем они примутся и начнут расти. Во-вторых, на площади Виру открывается новая высотная интуристская гостиница, вокруг нее создается сквер в духе современной парковой архитектуры. Только в том случае, если получится красиво, я смогу позволить себе улыбнуться еще раз.

Пионерская площадь становится центром города. Начнем ее реконструкцию. Конечно, мы теперь куда более опытные градостроители, чем те, кто когда-то закладывал Пионерскую площадь. Но ведь всякое может случиться! Так что и по этому поводу я смогу улыбнуться только через несколько лет, когда здесь вырастут новые декоративные деревья и пешеходы будут довольны сетью дорожек, которые теперь спланированы в соответствии с их устремлениями.

Одна из самых больших моих забот — реконструкция Башенной площади. Средневековая стена с семью башнями настолько хороша, что ее следует только подчеркнуть соответствующей зеленью, а не закрывать густым лесом.

Скоро мы начнем реконструкцию парка Кадриорг в соответствии с сохранившимися историческими данными; когда мы восстановим его в прежнем классическом виде, это будет прекрасный повод для многих улыбок, сопутствующих красоте, покою, отдыху.

Скоро вечерний Таллин станет значительно красивее и светлее — строится специальная техническая база для световой рекламы. Модернизируются витрины, заменяются устаревшие вывески, начинаем устанавливать новые, современные киоски.

Скоро город украсит новый монумент, посвященный комсомолу.

— Скоро, скоро, скоро... Ну, а к майским праздникам?

— К майским праздникам художественный комбинат во главе с дизайнерами Майму Плеес и Вальтером Боормейстером готовит для старого Таллина праздничный наряд.— На этом Иллар Каннельмяэ закончил рассказ о своих заботах. И улыбнулся. И правильно сделал: город-то, и без того красивый, дающий людям улыбки, хорошеет с каждой весной...

Н. СЕРГЕЕВА

Таллин.

И. Виеру (Кишинев).

БАЛЛАДА О ЗЕМЛЕ.

Правая часть триптиха.

Выставка произведений художников Белорусской ССР и Молдавской ССР.

Р. Кудревич (Минск). МАЙСКИЙ ДОЖДИК.

Выставка произведений художников Белорусской ССР и Молдавской ССР.

Интервью «Огонька»

Первый секретарь правления Союза композиторов СССР, народный артист СССР, профессор Т. Н. ХРЕННИКОВ

СТРАНА МУЗЫКИ

Возвращался я недавно из Большого зала Консерватории домой после премьеры моего Второго концерта для фортепиано с оркестром. Несколько улеглись тревоги и сомнения — неизбежные спутники первого исполнения, первой встречи с аудиторией слушателей.

И мне вдруг подумалось: а действительно ли все это происходит со мной?.. Жил я в глухом провинциальном городке, игрывал для своего удовольствия на гитаре «Светит месяц...». Мало ли таких парней на свете...

Много!.. И сила нашего музыкального искусства именно в том, что в судьбах, подобных моей, нет исключительности. Лишь заведомый лентяй не смог бы развить своих способностей в условиях, которые стали привычными для поколений людей советского времени.

Музыкальное образование у нас широко доступно всем, кого тянет к музыке. Это реальность нашей жизни. Нужны лишь способности и стремление, об остальном заботится государство. Так было еще в пору моей юности, когда в общеобразовательных школах создавались музыкальные кружки, струнные оркестры, хоры. Так было все годы, на протяжении которых открывались по всей стране музыкальные школы, средние и высшие музыкальные учебные заведения.

Теперь, в наши дни, можно смело сказать, что такой тяги к музыке нельзя было даже себе представить! Мы не успеваем открывать музыкальные школы в колхозах. Возникла даже острейшая проблема нехватки педагогов музыки на селе, руководителей музыкальных ансамблей, хоровых и танцевальных коллективов в сельских клубах и домах культуры.

Страна музыки... Многое в нашей стране не перестает поражать воображение, и как не подивиться настоящему чуду? Где некогда слышалось лишь пение старца, народного певца, бредущего с базара на базар, звучала одиноко струна древнего народного музыкального инструмента, сейчас звуки фортепиано и голоса скрипок доносятся через открытые окна консерватории или филармонического концертного зала. Всякий раз я с удовольствием захожу в учебные аудитории, где живет творческая, я бы сказал, благоговейная атмосфера познания высших музыкальных тайн, где смуглые студентки и студенты встречают меня, русского музыканта, как своего старшего друга и брата, коллегу по музыке, в которую они бесконечно влюблены. Я непременно бываю на музыкальных, симфонических или камерных, вечерах и, зная, что удивляться не следует, все-таки удивляюсь вдохновенному, чистому и взволнованному, как сама молодость, исполнительскому искусству солиста узбека или казаха, зрелости и увлеченности оркестра или камерного ансамбля, играющих бессмертные творения Баха или Чайковского... Встречаясь с моими друзьями — композиторами, я забываю, что за окном Ташкент или Алма-Ата, что мы на земле, где большая музыка еще совсем молода... Мы ведем долгие творческие беседы, спорим порой по тому или иному теоретическому вопросу, возникшему в музыкознании в самое последнее время.

Значение молодых композиторских школ наших среднеазиатских республик и Казахстана давно вышло за пределы национальных рамок. Когда мне случается бывать за границей, я встречаю неизменный интерес к творчеству моих товарищей по искусству — композиторов узбеков, туркмен, таджиков, киргизов, казахов, где бы я ни оказывался — в Праге или Париже, Лос-Анджелесе или Токио...

Да, это кажется чудом. История народов не знает примеров столь бурного взлета и возмужания культуры. Но чудо это было заранее предусмотрено, продумано, последовательно осуществлено. У нас оно не представляет собой какого-то исключительного явления. Это — воплощение в жизнь великих преобразующих идей, провозглашенных Коммунистической партией, ее ленинской национальной политикой.

Национальная почва — фундамент, на котором развивалась и развивается наша советская музыкальная культура. У каждого народа, как бы он ни был мал, своя музыка, свои средства музыкального выражения. Не правда ли, в дни больших праздничных концертов, скажем, в Кремлевском Дворце съездов, мы не перестаем восхищаться красочным соцветием музыки наших братских народов: напевностью украинской «Думки», стремительными ритмами молдавской «Дойны», своеобразием звучания узбекских музыкальных инструментов...

Искусство этих народных ансамблей и солистов, сохраняя в чистоте специфические черты, своеобразие национального орнамента, отражает высокую степень мастерства, достигнутого в наших республиках народным музыкальным искусством.

Постоянной была и остается забота государства о художественном совершенствовании национальных музыкальных культур наших народов. В трудные двадцатые годы открывались консерватории и создавались музыкальные театры в Ереване, Тбилиси, Баку, Минске... Могучая русская музыкальная культура с ее богатейшими традициями пестовала более молодые братские музыкальные культуры. Я помню, какой поистине многонациональной была наша студенческая семья в годы моего учения сначала в Гнесинском техникуме, затем в Московской консерватории. Помню, как мы, бывало, все вместе слушали первые сочинения друг друга, вместе волновались за их судьбу и вместе радовались, когда эти первые опусы получали одобрение Виссариона Яковлевича Шебалина, замечательного советского композитора, нашего педагога...

Осенью минувшего года в Москве работал седьмой конгресс международного музыкального совета ЮНЕСКО. Представители многих стран мира, известные музыкальные деятели прибыли в нашу столицу. Конгресс был посвящен серьезной и актуальной теме: развитию национальных музыкальных культур в наше время.

Мир полон музыки. Но развивается она хаотично. На Западе опрокидывают порой национальную почву музыкального искусства, относятся к ней пренебрежительно, свысока... Это, конечно, беда, ибо нейтрализация музыкального языка ни к чему хорошему привести не может. История всей мировой музыкальной культуры учит, что истинно великое вырастает лишь на почве национального творческого богатства народа. Музыкальное кровообращение, дающее жизнь большому искусству, лишь тогда интенсивно, когда сохраняется национальное начало.

На Западе в ходу множество направлений и увлечений в музыкальном искусстве, существуют всякие индивидуалистические теории, которые проповедуют путь «самовыражения». Звуковые эксперименты, не более — вот что представляет собою так называемая авангардистская музыка. Ничего общего все это с музыкальным искусством, разумеется, не имеет. Тропинки эти, короткие и извилистые, никуда не ведут...

На конгрессе в Москве не было расхождений во мнениях. Собрались серьезные люди, настоящие музыканты, и все сошлись на том, что не может быть другого пути развития у современного музыкального искусства, чем путь сохранения и творческого развития национальных музыкальных культур народов, содружества и взаимного обогащения национальных музыкальных школ.

Это наш путь. Делегаты конгресса, наши коллеги, имели полную возможность в том убедиться воочию. Они побывали, в частности, в Музее музыкальной культуры имени М. И. Глинки в Москве — уникальном учреждении, не имеющем себе равных в мире, подлинном научно-исследовательском центре современной музыки. К началу работы конгресса здесь, в музее, были приурочены выставки: музыкальная культура народов Советского Союза; творчество национальных композиторов; музыкознание в СССР. Экспозиции, как это положено в Музее имени М. И. Глинки, сопровождались музыкальными иллюстрациями. На стендах делегаты видели капитальные труды музыковедов, изданные на национальных языках во всех наших советских республиках, видели партитуры и клавиры сочинений национальных композиторов, работающих во всех известных музыкальных жанрах — от массовых песен до симфоний, ораторий и опер.

Думается, зарубежные коллеги разъехались с хорошим чувством, с твердой уверенностью в том, что есть в современном мире такая страна, где большое музыкальное искусство развивается в соответствии с лучшими надеждами народов.

Мир полон музыки, но музыки разной. В музыкальном мире происходит борьба, отражающая борьбу идеологическую, борьбу за душу и будущее человека.

Советское музыкальное искусство, многоязыкое и многокрасочное, близко народу, понятно и любимо, потому что оно питает свои корни в безграничной народной талантливости. Потому что оно отражает светлую жизнь, которой мы живем на своей великой земле. Советская музыка сильна, и путь ее прям, потому что она одухотворена высокой гуманистической идеей формирования новой личности, воспитания черт человека коммунистического общества. Это наш идеал и наша позиция.

Сейчас все мы, советские музыканты, готовимся встретить большой народный праздник — 50-летие образования Союза Советских Социалистических Республик. Фестиваль искусств, необычайно широкий даже по нашим масштабам, пройдет по всей стране, по всем братским республикам и крупным городам.

Конечно, примут участие в этом праздничном фестивале и советские композиторы.

Как всегда — и в нелегкие, грозовые годы и в годы счастливые,— советская музыка вместе с народом, пути и судьбы наши неразрывны с его великой судьбой.

ЛЕЙТМОТИВ Ж

Лазиз **КАЮМОВ,**
профессор

Бывают гении, чей образ становится как бы эмблемой его родного народа. Для узбеков таким является великий мыслитель XV века Алишер Навои. Навои близок нам многими сторонами своего творчества и прежде всего своим гуманизмом. Его человеколюбие выражается в том, что он людей делит на хороших и плохих и всячески возвеличивает хорошего, какой бы он ни был народности. Оттого и его главные герои Фархад, Ширин, Лейли, Меджнун, Искандер — представители различных народов. Таким образом, тема дружбы имеет многовековую традицию в узбекской культуре, начатую еще нашими древними классиками.

Основоположник узбекской советской литературы Хамза Хаким-заде Ниязи (1889—1929) унаследовал эти мотивы и в новых исторических условиях возвел их на новую высокую ступень интернационализма. Драматургия Хамзы, созданная в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции, играет весьма важную роль и в современной идеологической борьбе.

В настоящее время не только мы и наши друзья, но и многие буржуазные ученые занимаются историей Великой Октябрьской социалистической революции. Среди последних встречаются и предатели, по национальности принадлежащие к народам Средней Азии. Их работы объединяет один главный тезис: будто бы социалистическая революция у нас в Туркестане не была делом местных народов, якобы они были нейтральны по отношению к ней, а их интеллигенция — даже враждебна.

Сама действительность, нашедшая художественное отражение в драматургии Хамзы, убедительно доказывает фальшивость тезисов этих лакеев империализма. Вспомним, например, драму Хамзы «Бай и батрак», идущую с большим успехом на сцене узбекских театров вот уже более полувека. По этой драме можно судить об отношении узбекского народа и его интеллигенции к революции. Оно было без всякой оговорки положительным. Главный герой драмы Гафур вначале ждет добра от баев. Но жизнь открывает ему глаза. И тогда он понимает, что единственный путь уничтожения социальной несправедливости — в социалистической революции. К такому убеждению он пришел под влиянием русских революционеров, с которыми знакомился в далекой ссылке, в Сибири. Так Хамза еще в годы революции показал на сцене дружбу русского и узбекского народов как явление пролетарского интернационализма.

Если Хамза тему дружбы народов раскрыл как тему революционной солидарности, то драматурги следующего поколения обогатили ее по-своему.

...На сцене — события первых лет революции. Народы Средней Азии только что получили долгожданную свободу. Но еще крепка железная рука мирового империализма. Он хочет задушить социализм в колыбели, хочет оторвать Туркестан от России. Растет накал борьбы. Враг еще силен. Его действия угрожают революции. Драматург мастерски показывает, как народные массы в самый критический момент находят мудрое решение: они обращаются к Ленину. К нему за помощью и советом приехали посланцы от Туркестана — узбеки, казахи и таджики. Так ставит проблему — Ленин и Восток — Камиль Яшен в своей пьесе «Путеводная звезда», так решает он тему интернационализма. Дружба народов показана в пьесе как факт, имеющий решающее значение в исторической судьбе народов.

...Великая Отечественная война. Период испытания многого, в том числе и прочности дружбы народов. Узбекистан — далекий тыл. Сюда привозят детей-сирот. И кузнец Шамахмудов берет на воспитание шестнадцать детей. Обычно, вспоминая этот факт, мы подчеркиваем количество. Даже художественное полотно на эту тему называется «Большая семья». А ведь главное в психологическом плане не только то, что узбекский кузнец воспитал так много сирот, а в том, что они дети разных народов. Так что семья эта не только самая большая, но и самая интернациональная. Именно эту сторону подчеркивают создатели художественного фильма «Ты не сирота» (автор сценария Рахмат Файзи, режиссер Шухрат Аббасов). Интернационализм вошел в кровь наших людей, это убедительно показывает народная артистка СССР Лютфи-ханум Сарымсакова, создавшая колоритный образ матери этой семьи. Покоряет она богатством чувств и простотой.

Если это произведение узбекского искусства весьма психологично, то совсем в другом ключе создана драма Сарвара Азимова «Кровавый мираж». В ней наглядно показана судьба отщепенцев-националистов, превратившихся в жалких слуг западногерманских и американских империалистов. Здесь мы имеем дело с прямым разоблачением сегодняшних наших идеологических противников. Такое произведение — мощное оружие в современной идеологической борьбе, ибо оно разоблачает контрреволюционную, предательскую суть нынешних зарубежных «ученых».

Современные узбекская литература и искусство используют различные художественные приемы и краски в освещении этой темы, занимающей в нашей истории центральное место.

Немало замечательных строк мы находим в произведениях Айбека, Гафура Гуляма, Хамида Алимджана, Уйгуна, Шарафа Рашидова, Зульфии, Н. Сафарова, Миртемира, А. Мухтара, Х. Гуляма, Р. Бабаджана, Мирмухсина и многих других узбекских писателей. Их опыт учит, что если глубоко реалистически отразить действительность, то тема интернационализма сразу выйдет на первый план изображения. Такова жизнь, такова история.

В советской истории не было ни одного крупного события, в котором не проявился бы дух интернационализма. Братство и дружба ярко проявились в годы гражданской войны, индустриализации и коллективизации. Верность идеям пролетарского интернационализма была проверена и еще больше укрепилась в суровые годы Великой Отечественной войны. Героическая Советская Армия, на долю которой выпала основная тяжесть борьбы с фашистской Германией, предстала перед всем человечеством как самая интернациональная армия мира.

А вспомните любую крупную стройку послевоенного периода, трудовой подвиг целинников — все это дело рук сыновей и дочерей многонационального советского народа. Вот еще яркий и близкий для нас пример дружбы и интернационализма — сегодняшний Ташкент. После землетрясения столица Узбекистана заново воздвигнута руками строителей из всех братских республик, помогавших нашим землякам.

Наш долг — все это воспеть по достоинству. Но долг этот еще во многом не оплачен.

* * *

Интернационализм как лейтмотив жизни проявляется также и в самой советской литературе. Еще на I съезде советских писателей А. М. Горький отмечал, что «...разноплеменная, разноязычная литература всех наших республик выступает как единое целое перед лицом пролетариата Страны Советов, перед лицом революционного пролетариата всех стран и перед лицом дружественных нам литераторов всего мира. Мы выступаем, демонстрируя, разумеется, не только географическое наше объединение, но демонстрируя единство нашей цели, которая, конечно, не отрицает, не стесняет разнообразия наших творческих приемов и стремлений».

Национальные литературы народов СССР развиваются, учась друг у друга, взаимно обогащаясь. В этом отношении наиболее развитая литература русского народа, имеющая богатейшие творческие традиции, выступает в общем оркестре многонациональной советской литературы как бы в роли первой скрипки.

Больше того, русскую литературу можно назвать своего рода университетом для других литератур нашей страны. Один из крупных узбекских писателей, Айбек, подчеркивал в «Автобиографии»: «Многому я научился у великих русских писателей, а Пушкин останется навсегда самым близким мне и любимым. Через много лет после первого знакомства с ним я писал в одном стихотворении:

Он мне по милости своей
И сердца свет и свет ума —
Как бы поэзия сама —
Дарил, как песню новых дней».

«...Я стал углубленно изучать творчество великих русских писателей и поэтов,— вспоминает другой узбекский писатель, Гафур Гулям.— Самым близким и родным для меня писателем стал А. М. Горький. С любовью перечитывал я его произведения «Мать», «На дне», «Детство», «В людях», «Мои университеты». И учился, постоянно учился у него. У меня уже были собственные переводы из Пушкина, Лермонтова. Но я особенно горжусь тем, что первые узбекские переводы «Песни о Буревестнике» и «Песни о Соколе» принадлежат моему перу. В начале 30-х годов я обратился к творчеству В. В. Маяковского, которое во многом определило мой путь поэта».

Великие русские писатели были нашими учителями в художественном творчестве, а влияние высокоразвитой русской литературы стало ускорителем развития национальных литератур. Счастье узбекской советской литературы в том, что она взаимосвязана с великой русской литературой, с братскими литературами других народов Союза ССР, развивается и совершенствуется во взаимных связях.

ИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Проблема взаимосвязи литератур народов СССР, в том числе и узбекской литературы, с литературой русского народа в науке более или менее разработана, изучена. Но взаимосвязи нерусских национальных литератур еще не стали объектом серьезных исследований. Этим пользуются буржуазные фальсификаторы истории народов Средней Азии и Казахстана и умышленно делают неправильные, ложные выводы. Они без зазрения совести утверждают, будто бы между национальными литературами народов СССР существуют противоречия, что у них нет тесных контактов, взаимосвязей.

А на самом деле? Разве не существует крепкая связь между украинской и среднеазиатской литературами? Вспомним замечательное произведение украинского писателя Ивана Ле «Роман межгорья», стихотворения Миколы Тереценко и «Ветры Украины» узбекского поэта Уйгуна. В произведениях украинских писателей воспевается Советский Узбекистан, а в поэзии узбекского писателя любовно воспета Советская Украина. Произведения Максима Рыльского, Олеся Гончара, Александра Корнейчука, Ванды Василевской, Михайлы Стельмаха, Натана Рыбака и многих других украинских поэтов и писателей давно стали достоянием узбекского читателя. Лучшие произведения узбекской литературы очень популярны на Украине. Разве это не яркое выражение братской дружбы и наших народов и наших литератур!

Каждому узбеку — любителю поэзии знакомы стихотворения Якуба Коласа, основоположника белорусской советской литературы, особенно его стихи на узбекские темы. Развиваются и крепнут связи узбекской литературы с литературами прибалтийских и закавказских народов и, разумеется, с литературами республик Средней Азии. Нельзя не согласиться с таджикским литературоведом А. Сайфуллаевым, когда он пишет: «Если Хамза Хаким-заде Ниязи своими драматургическими произведениями сыграл большую роль в развитии таджикской драматургии, то С. Айни своими реалистическими романами и повестями внес серьезный вклад в развитие узбекской прозы. Несомненно также, что такие произведения, как «Абай», «Путь Абая» Мухтара Ауэзова, окажут благотворное воздействие на развитие таджикской литературы».

Счастливое свойство советской литературы заключается в том, что творческий опыт того или иного писателя не является его личным секретом. В этом отношении творческий опыт Сабита Муканова и Гафура Гуляма, Мирзо Турсун-заде и Берды Кербабаева и еще многих других представителей старшего поколения является школой мастерства для новых поколений писателей и поэтов.

Хочется особо отметить роль русского языка в современном литературном процессе. Он стал вторым родным языком межнационального общения и сотрудничества народов СССР как в жизни, так и в литературе. Через русский язык каждая нация и народность приобщается к культурным достижениям всех других народов нашей страны и к мировой культуре.

Лучшие произведения узбекских писателей, переведенные на русский язык, стали достоянием многомиллионной аудитории советских читателей. С русского языка они были переведены на многочисленные языки народов СССР, а также зарубежных стран. С другой стороны, с русского языка переведены на узбекский не только великие творения классиков русской литературы, произведения русских советских писателей, но и поэтические и прозаические шедевры классической и советской литератур всех народов СССР и зарубежных литератур. Обогащается культурная сокровищница каждой нации.

Весь этот сложный процесс взаимосвязей и взаимодействия литератур народов СССР должен стать объектом исследований советских литературоведов. Без изучения его нельзя полностью осветить историю советской литературы.

Приближается 50-летие СССР, и эту историческую дату мы должны встретить достойно, обобщить полувековой опыт самого прогрессивного социального союза, изучить и конкретизировать ведущие тенденции социалистической эпохи в области литературы и искусства. К числу таких тенденций относится и взаимосвязи, взаимодействие литератур народов СССР. Ибо, как показывают факты, развитие национальных литератур в эпоху социализма является не обособленным процессом, а процессом все большего их сближения и взаимовлияния. Эти взаимосвязи с каждым днем развиваются, обогащаются новыми формами и методами. Глубоко осмыслить и обобщить их — значит содействовать еще более интенсивному их расширению.

* * *

Процесс взаимовлияния и взаимодействия литератур — явление не стихийное, а закономерное. Среди закономерностей хочу выделить одну: связь литературы с социальным строем, с базисом. Возьмем, к примеру, художественный перевод, который является одним из основных факторов взаимосвязей литератур. Если вспомнить историю русско-узбекских литературных связей, то мы увидим, что произведения русских писателей начали переводить на узбекский язык еще до революции. В этом отношении определенную роль сыграла туркестанская туземная газета, редактировавшаяся Н. П. Остроумовым. Но газета, будучи идеологическим рупором господствующего класса, проявляла явную тенденциозность в подборе произведений русской литературы. Переводили Льва Толстого, но не главные его произведения, а те, в которых, по выражению Ленина, встречались «кричащие противоречия», те, в которых были ярко выражены толстовские идеи непротивления злу.

Переводились на русский язык и произведения узбекских поэтов. Но на страницах туркестанской туземной газеты встречались переводы не социальной лирики Навои, не сатиры Махмура и Гулхани, а мистические стихи некоторых узбекских поэтов.

Таким образом, социальный строй оказывал влияние на переводческое дело. Правда, даже и через такое «сито» в Туркестан проникали лучшие произведения русской литературы, с которыми знакомились прогрессивные люди края.

Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила строй, основанный на гнете, и установила истинное равноправие между всеми народами нашей страны. Сплоченные в единую семью, народы СССР питают искреннее уважение друг к другу и к созданной ими культуре, национальной по форме и социалистической по своему содержанию. Советский строй обеспечил полную возможность ознакомления братских народов с сокровищницей их художественного гения. Вот почему за годы Советской власти переводческое дело приняло грандиозный размах. Узбекский читатель знакомится на родном языке с произведениями Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Л. Толстого, Белинского, Чернышевского, Тургенева, Чехова, Горького, Маяковского, Шолохова, А. Толстого, Островского, Фадеева, Федина, Твардовского, Леонова, с произведениями представителей других национальных литератур — Бажана, Бровки, Якуба Коласа, Капутикян, Севунца, Абашидзе, Гусейна, Р. Рзы, Ауэзова, Муканова, Мусрепова, Мустафина, Кербабаева, Сейтакова, Турсун-заде, Миршакара, Токомбаева, Ч. Айтматова, Р. Гамзатова и сотен других.

Благородное, жизненно необходимое дело перевода на узбекский язык произведений художественной литературы русского и других народов страны взяли в свои руки ведущие писатели республики. Один из старейших узбекских писателей, Айбек, вспоминал: «В это время (20—30-е годы.— **Л. К.**) я занялся очень важным для Узбекистана той поры делом. Все культурные силы были брошены на освоение мировой культуры. Почти все узбекские писатели переводили на родной язык художественные и научные произведения, входящие в золотой фонд культурных достижений. Я тоже занялся переводом, перевел ряд глав из «Капитала» Карла Маркса, отрывки из «Фауста» Гете, «Божественной комедии» Данте, «Каина» Байрона; но главным в своей работе переводчика я считаю перевод пушкинского «Евгения Онегина».

Заметный вклад внесли в это дело наши писатели Г. Гулям, Х. Алимджан, К. Яшен, Уйгун, Миртемир, Шейхзаде, Зульфия, М. Исмаили, А. Мухтар, Х. Гулям, Мирмухсин и многие другие.

Узбекские писатели считали своим священным долгом ознакомить население республики с достижениями русской и мировой литературы. Работа над переводом являлась для них своего рода школой овладения приемами художественного мастерства. Писатель Абдулла Каххар, переводчик произведений Гоголя, Толстого, Чехова, признался, что Чехов научил его смотреть и видеть.

Переводческое дело является самым мощным рычагом и фактором взаимосвязей и взаимовлияния национальных литератур и вместе с тем взаимного ознакомления народных масс всех национальностей нашей страны с сокровищами художественной литературы друг друга, отражающей жизнь, быт, труд и борьбу советского народа. Тем самым литература и искусство помогают тесному сплочению социалистических наций, воспитанию масс в духе интернационализма.

Одной из важных форм взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур являются недели и декады литератур и искусства. Успешно прошедшие у нас декады литератур и искусства братских народов СССР явились мощным фактором в интернациональном воспитании. Они были всенародным знакомством с культурными достижениями братских народов. Они послужили толчком к развитию темы дружбы народов в литературе и искусстве. Благодаря им на сценах Узбекистана стали пьесы драматургов народов СССР, появились новые переводы и издания книг многих писателей нашей огромной страны. Декады помогли взаимному обогащению драматургов, художников, композиторов, артистов в их творчестве. И, наконец, декады сами по себе явились замечательными праздниками дружбы народов.

Ташкент.

Писатели Вадим Кожевников и Сергей Давыдов на комбинате жаропрочных и тугоплавких металлов в городе Чирчике.

Фото К. Разыкова.

ЛИТЕРАТУРА ДРУЖБЫ

В Средней Азии издавна бытует притча о мудреце, который смог ответить на такой нелегкий вопрос: кто ближе, милее, роднее — брат или друг?.. Мудрец сказал: «Ближе, милее, роднее брат... если он друг!»

Эта древняя жемчужина народного творчества обрела новую и притом всесоюзную жизнь в наше, советское время. Она солнечно сверкала в выступлениях поэтов, прозаиков, драматургов братских республик, приехавших весенней порой в Узбекистан, откуда начал свое шествие по необъятной Стране Советов многокрасочный праздник советской литературы в честь 50-летия образования Союза Советских Социалистических Республик.

Солнцем, зеленью, тюльпанами, а главное, искренним сердечным теплом встретила узбекская земля московских и ленинградских писателей Вадима Кожевникова, Майю Борисову, Ларису Васильеву, Сергея Давыдова, Римму Казакову, Марка Максимова, Гарольда Регистана, Геннадия Семенихина, Ахияра Хакимова, Камрона Хакимова, киевлянина Дмитра Павлычку, минчанку Евдокию Лось, душанбинцев Мирзо Турсун-заде и Озоду Аминову, алмаатинцев Ануарбека Алимжанова и Мурада Ауэзова, бакинца Наби Хазри, ашхабадца Ата Атаджанова, рижанина Яна Сирмбардиса, казанца Заки Нури и других.

Гости были приняты руководителями республики, их сердечно приветствовал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, известный узбекский писатель Шараф Рашидович Рашидов.

Как сказал на торжественном открытии праздника в Ташкентском театре имени Алишера Навои председатель правления Союза писателей Узбекистана Камиль Яшен, великолепные плоды ленинской дружбы народов — это выдающиеся успехи социалистического народного хозяйства бывших окраин царской империи, историческая победа в Великой Отечественной войне, невиданные темпы развития экономики, науки, литературы и искусства всех советских республик.

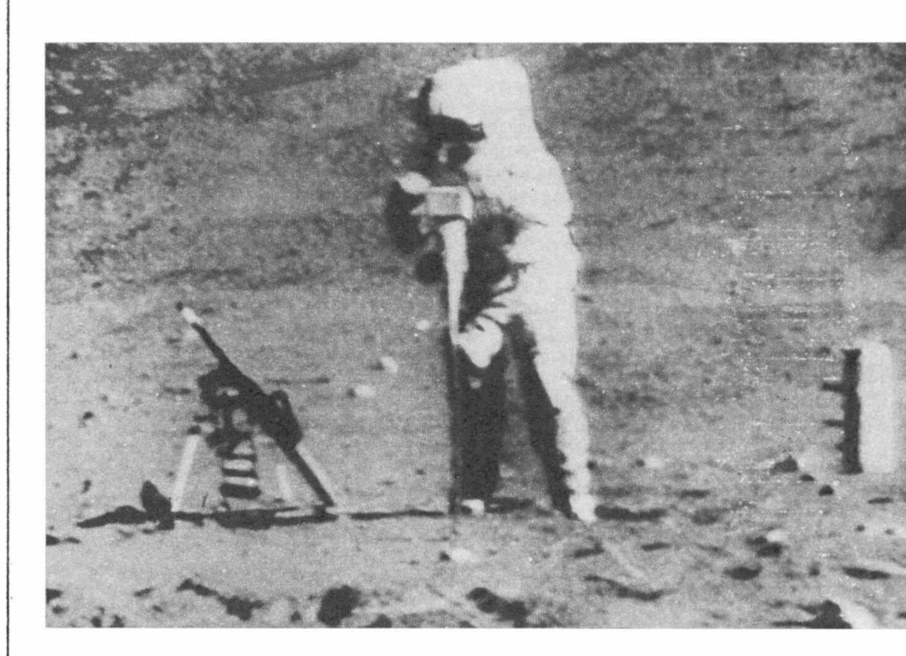
— Одним из самых крупных завоеваний социализма,— отметил глава делегации, секретарь правления Союза писателей СССР В. М. Кожевников,— является практическое осуществление партией ленинской национальной политики, под воздействием которой сложилась новая историческая общность — советский народ. В формировании ее важное место занимает и советская многонациональная литература, высоко несущая знамя ленинского интернационализма... Каждому из нас памятно, как в годы войны Узбекистан приютил тысячи сирот, дал им кров и родительское тепло.

Дни советской литературы — праздник не только писателей, это праздник всех советских народов, предшествующий золотому юбилею Союза ССР. Самобытные картины становления Советской власти в Туркестане, романтику великого единения народов поэтически запечатлел выдающийся таджикский поэт Мирзо Турзун-заде в стихотворении «Законы братства», прочитанном на встрече с ташкентцами.

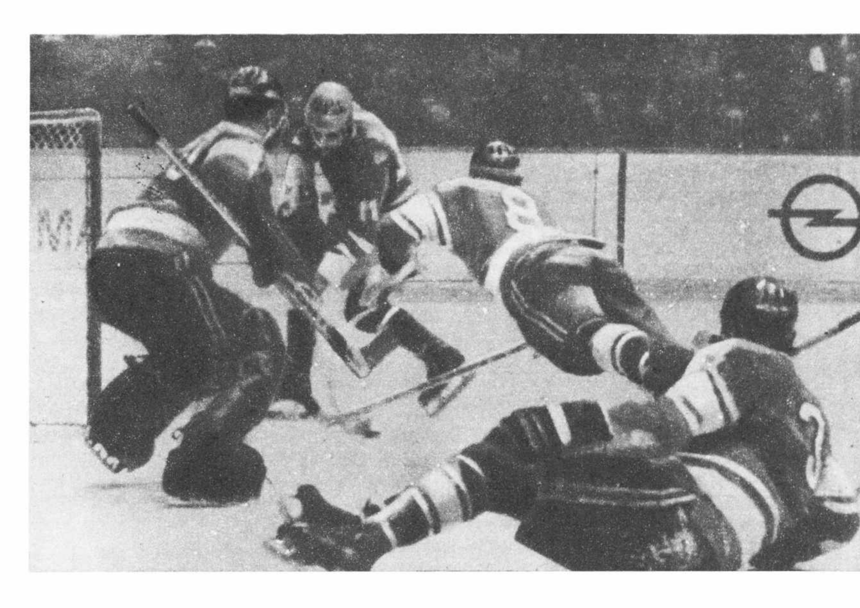
Писатели из братских республик посетили Институт ядерной физики неподалеку от Ташкента, в поселке Улугбек, ознакомились с крупным промышленным центром Узбекистана — Чирчиком, беседовали с рабочими и руководителями узбекского комбината жаропрочных и тугоплавких металлов. Десятки взволнованных встреч с читателями состоялись на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах Ферганской долины и Голодной степи, Бухары и Самарканда, Хивы и Нукуса. И каждая из них — это встреча братьев, ставших друзьями навеки.

Вяч. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

ПОЛЕТ «АПОЛЛОНА-16»

ДО НОВОЙ ВСТРЕЧИ МЕНЬШЕ ГОДА

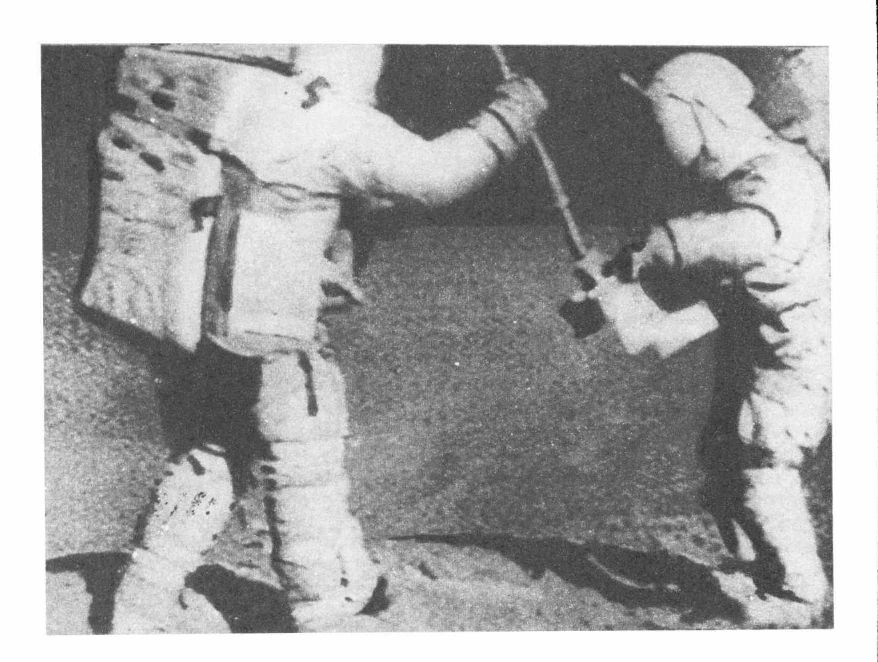

Кто из любителей и знатоков хоккея еще до начала пражского чемпионата сомневался в том, что победы добьются советские или чехословацкие хоккеисты? Для такого прогноза были веские основания: все встречи двух сильнейших команд мира за последние четыре года говорили о равенстве сил. И первая их встреча на чемпионате мира в Праге подтвердила, что команды действительно равноценны, интересная борьба закончилась ничьей со счетом 3 : 3.

Но не только исход этого матча еще раз подтвердил силу

24 апреля лунная кабина космического корабля «Аполлон-16» стартовала с поверхности Луны и через два с небольшим часа состыковалась с основным блоком корабля. Космонавты Джон Янг и Чарльз Дьюк совершили выходы на поверхность Луны. Эти моменты запечатлены на публикуемых нами фотографиях. Космический корабль «Аполлон-16» с космонавтами Джоном Янгом, Чарльзом Дьюком и Томасом Маттингли в момент, когда пишутся эти строки, готовится к возвращению на Землю. 25 апреля около 5 часов утра, согласно программе, должен быть включен двигатель, который выведет «Аполлон-16» на траекторию полета к Земле. Планируется, что космонавты приводнятся в Тихом океане к югу от Гавайских островов около 23 часов 27 апреля.

Фото ЮПИ

хозяев льда. Если прежде сборная ЧССР иногда теряла очки с командами, подчас даже не претендовавшими на призовые места (вспомним хотя бы поражение чехословацких хоккеистов во встрече с американцами, которые заняли последнее место на чемпионате мира прошлого года в Швейцарии), то теперь чрезвычайно ровная и сильная команда Чехословакии уверенно шла к своей заветной цели. На пути у нее была лишь одна команда, которая могла ее отодвинуть на второе место,— команда СССР, а шведские хоккеисты сразу же показали, что в лучшем случае могут рассчитывать на бронзовые медали. Лишь в последнем матче с советскими хоккеистами шведы напомнили нам те времена, когда все соперники с опаской оглядывались на них. Трудно сказать, что происходит сейчас в шведском хоккее, но положение дел в «Тре Крунур» неблагополучно.

Когда началась вторая, решающая встреча чехословацких и советских хоккеистов, все мы, сидевшие в Пражском Дворце спорта, решили, что первый матч между ними повторяется дословно. Снова первый период выиграли хозяева льда и снова с тем же счетом — 2 : 0. И снова во втором периоде советские хоккеисты сократили разрыв. Однако на этот раз только сократили, а отыграться не смогли. Команда ЧССР, как и во время первой встречи, снова большую часть времени провела в обороне, добровольно уступая инициативу, и дважды добилась успеха с помощью быстрых, внезапных контратак. Сперва потерял шайбу Кузькин, а затем при счете 1 : 2 увлеклась атакой первая тройка, и Рагулин остался один против трех нападающих.

Сборная СССР много времени провела в нападении, но наши атаки захлебывались, теряли остроту, наталкиваясь на отлично организованную оборону. Расшатать оборонительные порядки нашим нападающим так и не удалось.

Хоккейные ветераны ревниво следят за успехами своих преемников и не прощают им промахов. Но вот что сказал мне Вениамин Александров, многократный чемпион мира, которого я попросил прокомментировать игру нашей команды:

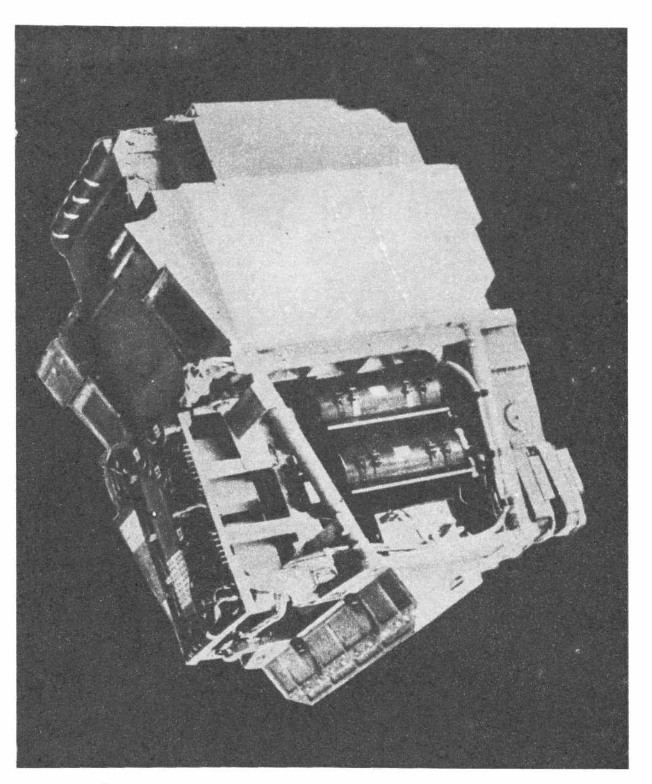
— Конечно, все мы хотели бы, чтобы и на этот раз чемпионами мира стали советские хоккеисты, но, увы... И тем не менее я считаю, что состав сборной сейчас хороший, что большинство хоккеистов, которые в нее входят, умеют больше, чем умели мы. К нашему нападению у меня нет претензий, но защита теперь должна быть значительно агрессивнее. Если раньше главным оружием защитников был мощный бросок от синей линии, то теперь игроки обороны часто и смело выдвигаются в первую линию атаки. Нам необходимо, учитывая это, укрепить защиту сборной молодыми способными хоккеистами, и тогда мы вполне можем рассчитывать на успех на московском чемпионате мира, до которого осталось меньше года. А сегодня мы поздравляем замечательных чехословацких хоккеистов с большой победой.

Олег СПАССКИЙ

Прага (по телефону).

Второй матч между сборными командами СССР и Чехословакии закончился победой чехословацких спортсменов со счетом 3 : 2. На снимке (слева направо): В. Третьяк, Р. Фарда, В. Васильев и В. Лутченко.

Телефото ЧТК — ТАСС.

Внешний вид прибора для проведения исследований первичного космического излучения, который был установлен на спутнике «Интеркосмос-6».

Фотохроника ТАСС.

«ИНТЕР-КОСМОС-6»

Завершен полет еще одного искусственного спутника Земли, запущенного по программе сотрудничества социалистических стран в области изучения космического пространства.

Эксперимент на «Интеркосмосе-6» примечателен тем, что на этот раз в распоряжение ученых наряду с телеметрической информацией предоставлены экспериментальные материалы, возвращенные на Землю из космоса. После проведения соответствующих работ в НИИ ядерной физики МГУ информация будет передана в Объединенный институт ядерных исследований в Дубне, где для проявки ядерной фотоэмульсии уже подготовлено все необходимое.

Корреспондент «Огонька» обратился к научному руководителю этого уникального эксперимента профессору Н. Л. ГРИГОРОВУ с просьбой рассказать об особенностях этой работы.

В эксперименте на «Интеркосмосе-6» изучались первичные космические частицы с энергией в тысячи миллиардов электрон-вольт. Космические лучи таких энергий не достигают поверхности нашей планеты, так как поглощаются ее атмосферой. Поэтому ученые вынуждены выносить сложнейшую аппаратуру — целые лаборатории — за пределы атмосферы, чтобы исследовать процессы и явления, происходящие при взаимодействии частиц высокой энергии с атомными ядрами вещества. Надо отметить, что применение метода ядерных фотоэмульсий для проведения таких исследований в космосе осуществлялось впервые.

Участие в этих исследованиях принимают ученые Венгрии, Монголии, Польши, Румынии, Советского Союза и Чехословакии.

Сейчас все материалы эксперимента: блок с ядерной фотоэмульсией объемом 45 литров и фотопленки с научной информацией — находятся в нашем Научно-исследовательском институте ядерной физики Московского государственного университета.

Начинается второй, не менее важный этап эксперимента — обработка полученных материалов специалистами стран—участниц работ. В фотоэмульсии в скрытой форме запечатлены следы взаимодействия частиц высокой энергии с веществом. Перед проявкой эмульсионные листы наклеят на специальное стекло, которое изготовили и поставили в Дубну чехословацкие специалисты. Специальная высокоточная установка, выполненная польскими учеными, разрежет стекла с наклеенной фотоэмульсией на части.

Ученым предстоит проделать очень большой объем работ по обработке информации. Микрон за микроном просмотреть много квадратных метров ядерной фотоэмульсии, провести сотни тысяч тончайших измерений и обработать их на вычислительных машинах.

Половина материала будет передана в Краковский институт ядерных исследований, половина — в Бухарестский институт атомной физики для совместного изучения специалистами этих стран, Венгрии, Монголии, Советского Союза и Чехословакии. Затем полученный материал решено распределить между коллективами исследователей стран — участниц эксперимента и продолжить работу по методике, предложенной советскими учеными.

Объединение усилий ученых братских стран позволит в минимальные сроки получить важные результаты в одной из интереснейших областей физики космических лучей.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

СЕМЕЙНЫЙ КУПОРОС

Леонид ЛЕНЧ

Семейная жизнь Кувшинниковых — Надежды, начинающей драматической актрисы, и Валерия, ее мужа, заводского инженера, — протекала вполне благополучно, даже, можно сказать, лучезарно.

Надя служила в театре, огорчалась, когда не давали ролей, бурно радовалась, когда их получала, и, играя на сцене с переменным успехом, твердо верила в свою актерскую звезду. Настанет день, и о Надежде Кувшинниковой заговорят как о большой артистке, вот увидите!

Валерий уходил на свой завод утром, возвращался вечером, иногда засиживался дома до поздней ночи над чертежами и кальками.

Их четырехлетний сын Борис, или Бобка, успешно занимался своим делом — он подрастал.

И вдруг кораблик семейного счастья Кувшинниковых наскочил на мину. В их жизни произошло то, что называется «семейным купоросом».

Однажды Валерий пришел домой с работы раньше обычного с каким-то свертком в руках. Не торопясь, он развернул сверток и торжественно извлек из бумаги роскошные дамские брюки — шерстяные, чуть расклешенные, модные.

— Это тебе! — сказал он Наде. — От меня. По-моему, размер твой, но надо примерить.

Надя ахнула, чмокнула мужа в щеку и побежала переодеваться.

Брюки оказались в самый раз. В любимом голубом свитере и модных брючках драматическая артистка долго вертелась перед зеркалом под аккомпанемент возгласов восхищения двух ее мужчин — Валерия и Бобки. Бобка, тот прямо объявил, что мама-мальчик нравится ему больше, чем мама-девочка. А сама мама-мальчик подумала, что в этом наряде она похожа на маленького принца Сент-Экзюпери, и тут же мысленно обозвала себя «самонадеянной фантазеркой».

Когда первая волна восторгов схлынула, Надя сказала мужу:

— Валерка, они же дорого стоят! Где ты деньги взял?

— Я получил на заводе премию. За рационализаторское предложение.

— А я даже и не знала, что у меня муж такой Эдисон!

— Я не изобретатель, а рационализатор. Это совсем другое.

— Что же ты там на-ра-цио-нали-зировал, Валерка?

— Объяснять долго, а мне некогда, нужно на завод вернуться. Дай мне поесть, и я побегу... Между прочим, у меня еще остались двадцать два рубля семьдесят пять копеек. Двадцать возьми, а мелочь я себе оставлю на сигареты.

Надя взяла две десятки и сунула их к себе в сумочку, еще раз поцеловала мужа и стала накрывать на стол.

Валерий ушел, Бобка занялся своими игрушками. В театре был выходной день. Что делает женщина, когда дома ей нечего делать? Она говорит по телефону.

Надя позвонила своей подружке Люсе Губенко. Люся служила в том же, в Надином театре, была старше Нади и успела побывать замужем три раза. Выходила и разводилась, а разводясь, снова выходила. И все это с элегантной легкостью циркового эквилибриста, ловящего на арене зажженные лампы. Люся Губенко была наперсницей и тайным советником молодых артисточек, доверявших ей свои сердечные тайны. Она учила их жить с высоты своего житейского опыта. Она говорила:

— Уж я-то знаю вероломную мужскую натуру досконально, вдоль и поперек, можете мне поверить.

Выслушав по телефону восторженный Надин рассказ про подарок, полученный от мужа-рационализатора, Люся Губенко огорошила подругу неожиданным вопросом:

— Он что, первый раз получил деньги за свои рационализаторские дела?

Надя растерялась.

— Не знаю... Думаю, в первый. Он ведь всегда все деньги мне отдает, которые получает.

— А подкожные?

— Какие подкожные?

— Надежда, извини, но какая ты еще наивная! У каждого мужа есть деньги, которые он утаивает от жены. Они называют их подкожными.

— А что они делают... на эти... на подкожные?

— Что делают? В зависимости от индивидуальной пакости своего характера. Или выпивают на них. Или тратят на женщин.

— Вот Валерий и потратил их на женщину... то есть на меня!

— На посторонних женщин, Надежда!.. Почему ты замолчала? Ты не переживай, а действуй. На твоем месте я бы произвела разведку и выяснила, не получал ли он на заводе и раньше деньги за свои рационализаторские дела.

— Как я могу это сделать?! И вообще... Валерка у меня не такой!

Люся Губенко загадочно хмыкнула в трубку, потом сказала:

— Я ничего не утверждаю, но... разведку я бы лично провела... Слушай, я вспомнила, когда-то на заводе, где работает твой Валерий, я занималась с художественной самодеятельностью. Кое-какие связи у меня сохранились. Хочешь, я для тебя проведу разведку и узнаю все, что надо?!

— Проведи!.. Хотя нет, не надо... Впрочем, хорошо, проведи!

Через три дня Люся Губенко затащила Надю после репетиции в пустую гримерную. Ее обезьянье личико было значительным и печальным.

— Надежда, мне не хочется тебя огорчать, — сказала Люся Губенко, поглаживая Надину руку. — Но приготовься к самому худшему.

— Говори скорей. И все как есть!

— Твой Валерий два раза получал деньги за свои рационализаторские дела. Когда он получил их в первый раз, он доверительно сказал одной... из бухгалтерии, я ее знаю, она у меня занималась, что деньги «пойдут на детей»!

— Боже мой, на каких детей?! Наши дети — это Бобка. И все.

— Не знаю, не знаю. Ты позволила мне провести разведку, я ее провела. Остальное — твое дело. Могу тебе посоветовать только одно: не будь наивной дурой!

Целую неделю Надя была мрачной, как ноябрьское ненастье. С Валерием едва разговаривала, на Бобку ни с того, ни с сего покрикивала и демонстративно не надевала подаренных новых брюк. Потом, не выдержав напряженности, первая предложила мужу:

— Нам нужно поговорить на очень серьезную тему... Бобка, иди на кухню, поиграй там!

Когда Бобка удалился, она сказала:

— Валерий, ответь мне прямо и честно, как настоящий муж настоящей жене: сколько раз ты получал у себя на заводе деньги за свои рационализаторские дела?

Настоящий муж выдержал легкую паузу и ответил честно:

— Два раза!

Настоящая жена выдержала паузу более тяжелую, чем пауза мужа, и сказала, глядя в сторону:

— И первую премию ты отдал детям? Только не отпирайся, я все знаю. Да или нет?

— Да!

— Валерий, отвечай своей жене так же прямо и честно: каким детям ты отдал деньги?

— Маленьким! — сказал Валерий.

— Такими вещами не шутят! — взвилась жена. — Я прошу... я требую, чтобы ты внес ясность!

— Изволь! — сказал муж, смущенно усмехнувшись. — Тут вот какое дело. Завод взял шефство над детским домом, он находится в нашем районе. Создали комиссию, меня в нее включили. Мы побывали у ребят — хорошие ребятки! — выяснили, чем завод может им помочь. Ну и решили еще от себя... в общем, собрать им на игрушки и книжки... Надежда, не я один премию отдал, другие заводские мужики-женатики тоже давали!

— Почему ты сразу мне об этом не сказал?

Муж глядел на жену виноватыми глазами и молчал.

Это была пауза средней тяжести. Прервала ее жена. Она заговорила бурно и страстно:

— Я понимаю, почему ты мне не сказал. Как тебе не стыдно?! Неужели ты думал, что я мещанская жадюга и буду против?!

Тут зазвонил телефон. Надя взяла трубку — аппарат стоял на столике у дивана, на котором сидели и объяснялись супруги Кувшинниковы, — и услышала в трубке хрипловатое контральто Люси Губенко.

— Надежда? Как дела? Ты с ним говорила?

— Говорила.

— Ну? Что ты мне можешь сказать?

Жена покосилась на мужа, зажала трубку рукой и сказала:

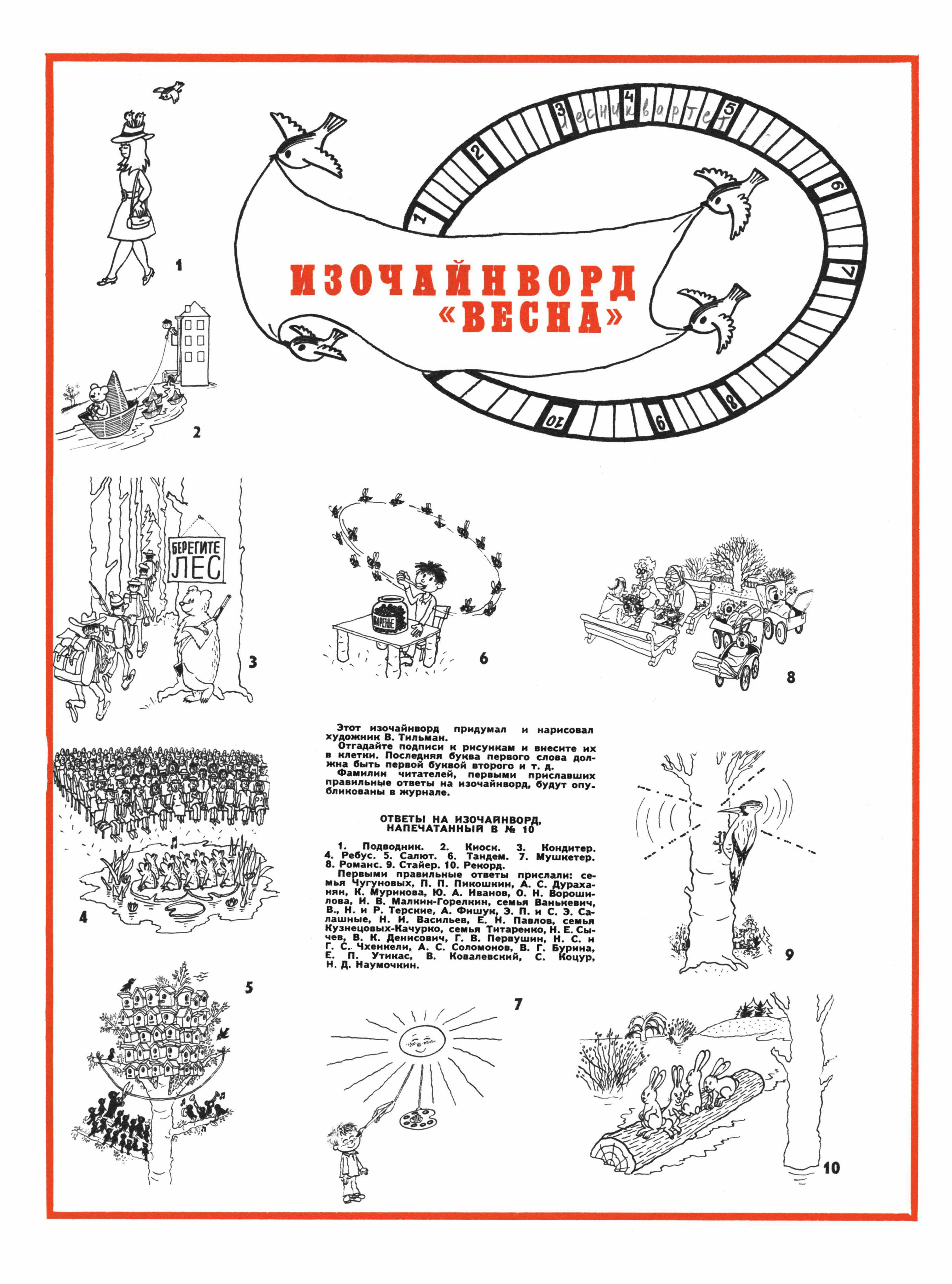
— Люська звонит. Это она меня настропалила.

— Суду все ясно! — произнес муж.

Надя сказала в трубку:

— Что же я могу тебе сказать, Люсенька? Я хочу тебе посоветовать только одно: не будь циничной дурой, это еще хуже, чем быть наивной.

Семейный купорос не состоялся.

ИЗОЧАЙНВОРД «ВЕСНА»

Этот изочайнворд придумал и нарисовал художник В. Тильман.

Отгадайте подписи к рисункам и внесите их в клетки. Последняя буква первого слова должна быть первой буквой второго и т. д.

Фамилии читателей, первыми приславших правильные ответы на изочайнворд, будут опубликованы в журнале.

ОТВЕТЫ НА ИЗОЧАЙНВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

1. Подводник. 2. Киоск. 3. Кондитер. 4. Ребус. 5. Салют. 6. Тандем. 7. Мушкетер. 8. Романс. 9. Стайер. 10. Рекорд.

Первыми правильные ответы прислали: семья Чугуновых, П. П. Пикошкин, А. С. Дураханян, К. Мурикова, Ю. А. Иванов, О. Н. Ворошилова, И. В. Малкин-Горелкин, семья Ванькевич, В., Н. и Р. Терские, А. Фишук, Э. П. и С. Э. Салашные, Н. И. Васильев, Е. Н. Павлов, семья Кузнецовых-Качурко, семья Титаренко, Н. Е. Сычев, В. К. Денисович, Г. В. Первушин, Н. С. и Г. С. Чхенкели, А. С. Соломонов, В. Г. Бурина, Е. П. Утикас, В. Ковалевский, С. Коцур, Н. Д. Наумочкин.

КРОССВОРД

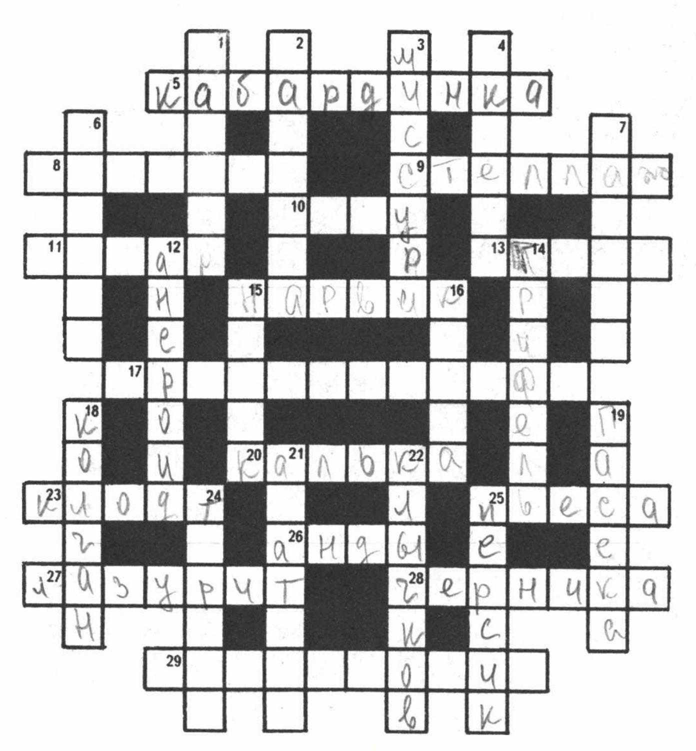
По горизонтали: 5. Приморский курорт в Краснодарском крае. 8. Спортивная игра. 9. Ряды полок. 10. Исследователь Арктики XIX века. 11. Киргизский народный эпос. 13. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». 15. Порт в Норвегии. 17. Комедия И. С. Тургенева. 20. Прозрачная бумага или ткань, применяемая при черчении. 23. Скульптор, создавший конные группы на Аничковом мосту в Ленинграде. 25. Драматическое произведение. 26. Горная система в Южной Америке. 27. Минерал синего цвета. 28. Ягода. 29. Наука о горных породах.

По вертикали: 1. Французский писатель. 2. Малая планета. 3. Река в США. 4. Особенность произношения. 6. Специальность рабочего. 7. Стихотворение А. С. Пушкина. 12. Металлический барометр. 14. Угольный карандаш. 15. Чешский композитор и педагог. 16. Сумчатый медведь. 18. Футляр для стрел. 19. Пчеловодное хозяйство. 21. Приток Суры. 22. Персонаж романа Д. А. Фурманова «Чапаев». 24. Ансамбль из трех исполнителей. 25. Южное плодовое дерево.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

По горизонтали: 5. «Коновалов». 8. Амазонка. 9. Телетайп. 12. Скрипка. 15. Кафедра. 17. Гротеск. 18. Дикой. 19. Двоеточие. 20. Тобол. 21. Молот. 23. Тектоника. 24. Ботва. 25. Станина. 26. Антракт. 27. Сардина. 29. «Следопыт». 31. Кемерово. 32. Антология.

По вертикали: 1. Косинус. 2. Колба. 3. Балет. 4. Косилка. 6. Ванадий. 7. Рангоут. 10. Владивосток. 11. Достоевский. 13. Репертуар. 14. «Порожняки». 16. Авдотка. 17. Гренада. 22. Триолет. 24. Бутафор. 27. Сопрано. 28. Армения. 30. Тулон. 31. Капот.

На первой странице обложки: Весна... Фотоэтюд Л. Бородулина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 10/IV-72 г. А 00667. Подп. к печ. 25/IV-72 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 917. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2780.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

АНДЖЕЛА ДЭВИС

Николас ГИЛЬЕН

Я пришел не за тем,
чтоб сказать: «Ты прекрасна!»
Да, ты прекрасна, я знаю,
но речь не об этом...
Речь о том, что хотят, чтобы ты стала мертвой,
им череп твой нужен,
чтоб рядом поставить
с черепами
Джексона и Лумумбы.

А нам, Анджела,
твоя улыбка необходима!

Вместо стен, воздвигнутых ненавистью,
мы дадим тебе светлые, воздушные стены,
вместо тяжелого потолка скорби —
потолок из облаков и птиц.

Как ошибаются твои палачи!
Ты создана
из пламенной жесткой плоти, из порыва,
что не ржавеет под солнцами и дождями,
под лунами и ветрами.
Ты возникла из той мечты,
из которой время
создает статуи и песни.

Я стою перед твоим именем, Анджела,
не для того, чтобы говорить о любви, как мальчик...
Я говорю: ты сильная и гибкая,
ты можешь прыжком
сломать шею тем, кто хотел, и хотят, и будут хотеть
видеть тебя горящей живьем,
привязанной к югу твоей страны,
к обугленному столбу,
к дубу без листьев,
к кресту,
горящей живьем, привязанной к югу.

Враг туп,
он хочет заглушить твой голос своим,
но все мы знаем, что звучит только твой голос,
только он, пылая, высится,
словно огненный столп в ночи,
словно замерший луч,
вертикальный жгущий пожар,
негаснущая молния,
на свет которой
идут негры с огненными когтями,
разъединенные яростные народы.

А я, живущий
под сенью осуществленной мечты,
рядом с решительными милисианос,
на каменистом краю грозного, но доброго моря,
вижу, как неистовые волны разбиваются о берег,
я кричу, я посылаю мой голос
странствовать на плечах летящего ветра,
нашего ветра-отца — Карибе.

Анджела, когда я выкрикиваю твое имя,
то не складываю рук,
чтобы заклинать, умолять, упрашивать
твоих тюремщиков о пощаде,
а ударяю в ладонь ладонью
твердо и сильно, очень сильно,
в ладонь ладонью, чтобы ты знала: я за тебя!

Перевел с испанского
Александр ИСПОЛЬНОВ.

US

1 МАЯ

Первомайские открытки датского художника Херлуфа БИДСТРУПА читателям журнала «Огонек».

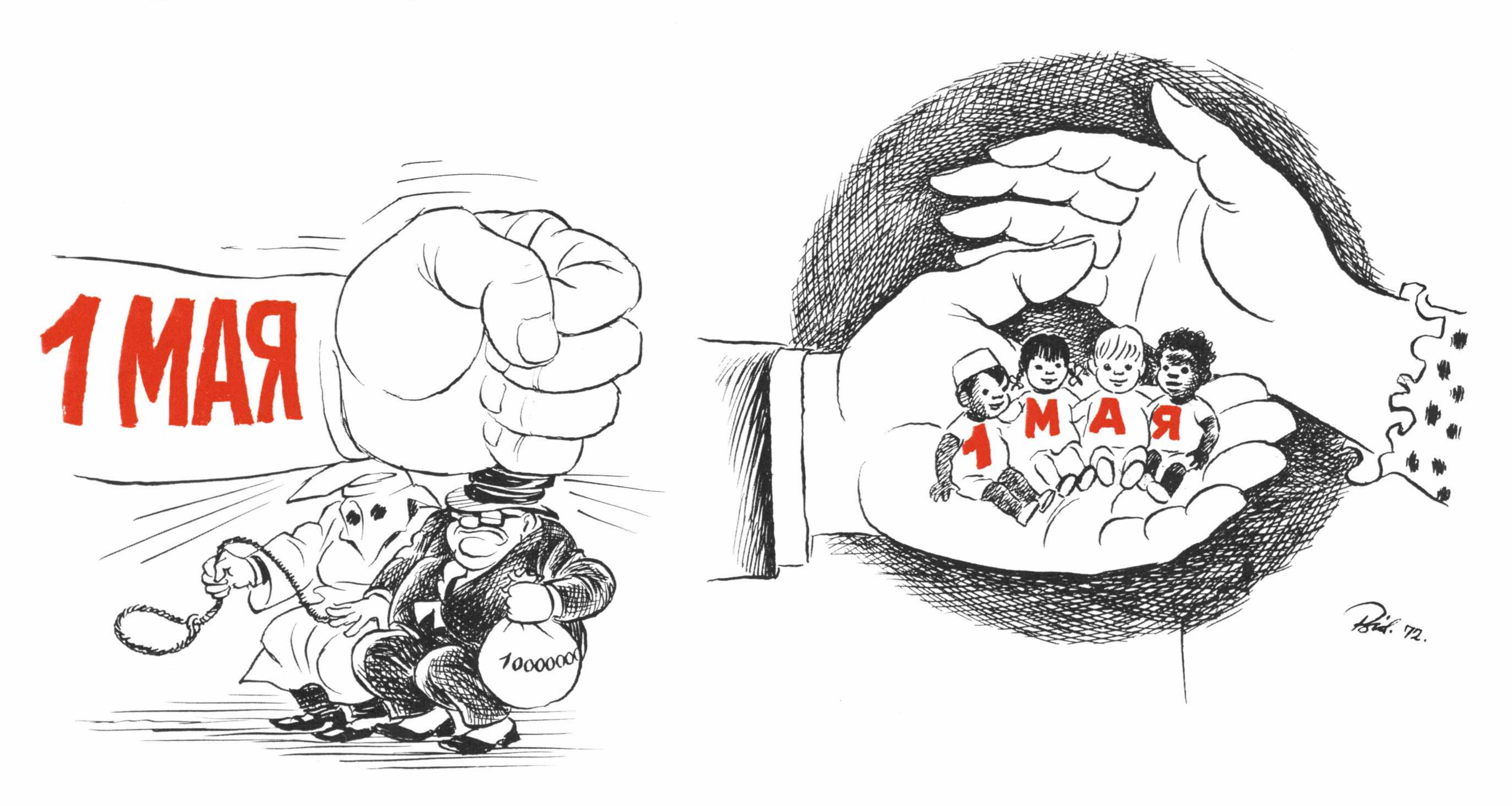

Рисунок американского художника Антона РЕФРЕЖЬЕ специально для «Огонька».

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663